

Самые родные, самые близкие (сборник)

Автор:

Мария Метлицкая

Самые родные, самые близкие (сборник)

Мария Метлицкая

Три девочки смотрят со старой фотографии: ситцевые сарафаны, пыльные ноги в разбитых сандалиях. Они веселы и беззаботны – так, как бывает лишь в детстве, когда еще не знаешь, что ждет впереди.

Годы летят быстро – и вот уже не очень молодая женщина разглядывает это фото, тоскуя по юности, по несбывшимся надеждам, по искренней дружбе, когда верили в горячие клятвы, когда не сомневались, что готовы друг за друга в огонь и в воду, когда ради любви совершали безумства, за которые расплачивались всю жизнь, а иногда – самой жизнью.

Каждая из трех девчонок на фото страстно мечтала о счастье. И все три по-своему распорядились своей судьбой, потому что счастье у каждого свое.

Мария Метлицкая

Самые родные, самые близкие (сборник)

© Метлицкая М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Самые родные, самые близкие

«Сонька, родная! Вот, пишу тебе. Занялась этим глупым делом оттого, что окончательно потеряла надежду тебе дозвониться. Представляю сейчас твое раздражение и вижу твое недовольное лицо. Да-да, я, конечно, знаю, что долгие телефонные разговоры ты ненавидишь. Что у тебя «устаёт ухо, начинает болеть голова, и вообще!». Что все это, по-твоему, потеря времени и ты лучше – а это и вправду лучше! – считаешь что-нибудь или прошвырнешься по улице.

Ты не берешь трубку неделю. Нет, даже две! Вот я и решилась.

Я решилась на это от большой тоски и печали и от огромного моего «скучания» по тебе. Подсчитала – мы не виделись ровно три года. Три года я не обнимала тебя, не заглядывала тебе в глаза, не прислушивалась к тебе, не ловила жадно твои «штучки» – твой морок, разящий наповал, твою жесткую иронию, твой сарказм. И не любовалась твоим прекрасным лицом.

Грусть. Ну и самое главное – я не разговаривала с тобой. А для меня это как воздух, как хлеб. Как сама жизнь. Ну вот я и решилась.

Да и потом – ну, ты все знаешь сама – поговорить и поделиться мне больше не с кем. Совсем. Мама – ну, ты понимаешь. Она уже давно, лет пять, между небом и землей, в своем странном мире. Наверное, это нормально. Линка – это вообще за пределами. Она и сама по себе штучка та еще, а уж сейчас, в этом ужасном возрасте! А Ася... Ася вообще не хочет общаться. Ни с кем. Смотреть на это невыносимо. Ася, моя добрая и прекрасная девочка!.. И еще – я очень скучаю по Ганке. Очень. Как без нее тяжело! Знаешь, я вот как-то подумала: вы, ты и Ганка, – это и есть лучшее, что было в моей жизни. Самые родные, самые близкие, ты и она. Нет, правда. Не родители, не мужья, не любовники, ха-ха! Мои жалкие любовники числом два. Ты засмеялась? Ну слава богу, я тебя развеселила. Даже не дети. Потому что все они приносили мне одни страдания, печали и головную боль. Нет, были, конечно, и радости. Но как-то мелко. Растворились они, разлились, утекли мелким ручейком в океане всего остального дерьма. Вот так.

Самые лучшие и дорогие воспоминания – лето, наш двор и мы. Ты, Ганка и я. Нам лет по восемь. Мы сидим на краю песочницы и, как всегда, болтаем – делимся секретиками и мечтами, планами на ближайшее время – например, на два часа, – и на всю остальную, такую длинную, жизнь. Наши секреты смешные и незначительные. Наши мечты наивные. Наши планы – сплошные фантазии. Мы в почти одинаковых сарафанах – обычных сатиновых сарафанах довольно мерзкой расцветки – советский легпром. Мы в дурацких и страшных сандалиях, помнишь? Ох, эти «испанские сапожки»! Три первых дня пытка, оскорбление вкуса, а потом ничего, разношивали и привыкали. И через пару недель они уже слетали с наших загорелых, ободранных ног.

Мы мечтаем. Знаешь, у меня эта картинка перед глазами. Такая грусть! Мы, маленькие и глупенькие девочки, почти уверенные в том, что за углом нас ожидает волшебная и прекрасная жизнь! Топчется в нетерпеливом ожидании – когда же, когда? Когда эти дурочки подрастут? И уж тогда вывалю на них все свои подарки, все сюрпризы! Все заготовки свои. Осыплю счастьем, как новогодним конфетти. Слава богу, мы пока ничего не понимаем. Иначе – кранты.

Ганка водит ободранным носом босоножки по земле, вычерчивая какие-то загогулины. Молчит. Она всегда поначалу молчит. Но мы-то знаем: она самая смелая и самая шкодливая из нас троих. Вот она-то точно ничего не боится. «Оторва», называет ее моя бабушка. Ганка за любой кипиш, лишь бы не было скучно.

Она еще и самая хорошенькая из нас – прости! Нежное тонкое лицо, изящные скулы. Какой абрис, а? Изумленные глаза фиалкового цвета, пять веснушек на носу – помнишь, мы сосчитали? И волосы – в медь, искрящиеся на солнце, крупными завитками падающие ей на глаза. Как они ее раздражали, помнишь? Как она завидовала тебе – твоим гладким, прямым, ослепительно-черным. Индейским, как она говорила.

Ганка молчит – болтаем ты и я, две болтухи. Учителя нас ругали за это: «Матвеева и Литовченко! Хватит болтать!» Эх, замечания в дневники мы ловили, по-моему, через день.

Мы бежим за мороженым к метро. Выскребаем из карманов, полных песка, фантиков от конфет, раскрошенного печенья, каких-то подобранных бусин, мелочь, копейки. Иногда хватало на три пачки. Иногда на две. Ну и ничего, разделим две на троих! А если уж мы оказывались «страшно богаты», то тогда

хватало еще и на три пирожка – с повидлом, самых дешевых, по пять копеек.

Ах, какой у нас праздник! Мы облизываем грязные, сладкие от повидла пальцы, запиваем все это газировкой из автомата – три копейки с сиропом, щекотно в носу и в горле, – и мы счастливы!

Нам по четырнадцать, и мы снова сидим во дворе. Правда, теперь уже не в песочнице – там нам неловко, там малышня. Сидим мы на лавочке. Нашей любимой лавочке на «заднем» дворе. И снова мечтаем. Нам уже нравятся мальчики, мы влюблены. Ты – в Алешу Фролова, жуткая судьба, да? Такая ранняя и нелепая смерть. Я в Гришку Рабиновича. А Ганка, поросенок, молчит! Но мы пытаем ее, укоряем, стыдим, что подружки так себя не ведут, что это нечестно. А она мотает красивой рыжей башкой:

– Да отстаньте вы, дуры! На фиг мне эти ваши любви? На фиг эти идиоты? Нет, вы взгляните! Вот твой Фролов, – говорит она тебе с возмущением, – и что в нем хорошего? Коротышка и тупица! Ах, синие глазки, ах, мускулатура! Баран. Сонька! Ты не видишь, что он тупой? Дура ты, Сонька!

Ты обижаешься – я бы тоже обиделась. Потому что Лешка Фролов вполне себе ничего – мачо такой, как бы сказали сейчас.

Потом она берется за меня и бедного Гришку:

– Ну а твой Рабинович! Нет, он умный, конечно. А уж по сравнению с Фроловым, – и осуждающий взгляд на тебя, – так просто Спиноза! Но тощий такой, носатый, неловкий и несовременный. Вот как ты с ним пойдешь в ресторан? Он же одет как чучело!

Я вздрагиваю от неожиданности.

– В какой ресторан? – испуганно спрашиваю я.

– В обыкновенный! – презрительно бросает Ганка. – В «Арагви», например.

Мы с тобой переглядываемся. Нет, про этот «Арагви» мы знаем – сто раз проходили мимо по Горького. Оттуда выходили черноволосые, носатые, шумные

солидные мужчины и пышнотелые нарядные женщины. Но при чем тут Гришка и я?

А Ганка продолжает свои фантазии:

- А что тут такого? Куда ходят приличные люди? Конечно же, в ресторан.

Мы пытаемся возразить, что приличные люди ходят на выставки, в театры и в кино. В крайнем случае в кафе-мороженое.

Ганка презрительно усмехается:

- Ага, вы еще забыли упомянуть библиотеку! Мужчина водит свою даму в рестораны, покупает ей цветы и духи. Возит ее на курорты, - продолжает ликбез наша Ганка. А мы растерянно хлопаем глазами и молчим, ни минуты не соглашаясь.

Ганка, Ганка! Она всегда мечтала о красивой жизни - так, как себе ее представляла. А что получилось?

Но после этого я немного задумываюсь: мой объект и вправду слегка нелеп - и внешне, и вообще. Гришка Рабинович из очень интеллигентной и нищей семьи - я видела его родителей. Мама преподает в медучилище, кажется, биологию, а папа служит в оркестре не самого знаменитого театра и вечно болеет - астматик. Плюс еще бабка и дед - в общем, им сложно. «Нищая советская интеллигенция», - грустно вздыхает Гришка, явно повторяя слова кого-то из взрослых. Он носит коротковатые брюки с пузырями на коленях и довольно страшную курточку с короткими рукавами. Но как он умен, мой герой! А сколько он знает стихов! Это он, Гришка Рабинович, открыл мне Ахматову и Пастернака, Бродского и Рейна. Но в ресторан? С Гришкой Рабиновичем в ресторан? С нелепым, неуклюжим и неловким Гришкой?

От этих мыслей мне становится дурно. Да и откуда у Гришки деньги? Смешно.

И вот жизнь, да? Помнишь Гришку на нашем слете одноклассников на двадцатилетие школы? Помнишь, как никто, даже я, его не узнал? Как зашел в актовый зал невозможно элегантный и роскошный мужик - высокий, стройный,

красивый. В шикарном твидовом пиджаке и умопомрачительных мокасинах, с дорогими часами на запястье, пахнувший неземным одеколоном? Еще бы – профессор Лос-Анджелесского университета! Мистер Рабин, ага! Мистер Грегори Рабин. Неплохо?

А на улице его ждало такси.

Ничего не осталось от прежнего смешного и нелепого Гришки. Ничего. Наверное, только мозги. И его добрая, бескорыстная душа. Помнишь, как он всем старался помочь? Дал денег Ганкиному отцу, дяде Боре. Ты тогда спросила, не жалею ли я. Он ведь и вправду был «тепленьким» – раз, и попался. Да, поймать его было несложно. Но жалею ли я? Знаешь, мне сложно представить свою жизнь там, в Америке, с мужем-профессором. Даже почти невозможно. Вот эти его фотографии, помнишь? Трехэтажный дом из розового кирпича, ровнехонькая лужайка перед парадным входом. Кусты синей гортензии у крыльца. Дорогущая машина. Он даже смущался, показывая все это, – Гришка есть Гришка.

Нет, не жалею, Сонь! А не жалею потому, что никогда не представляла себе ту, другую жизнь и не мечтала о ней. Я про нее не знаю. Вот мне и легче, ага.

А ведь Гришка звонил мне еще года четыре, почти до самого своего отъезда, когда уже был Понаевский.

А твой герой, твой Фролов... Тоже личность, ха-ха! Глава ОПГ, каково? Что ж, вполне предсказуемо, а? Ну и итог его жизни – тоже можно было представить с самого начала.

Наш двор. Наши и только наши липы и тополя. Наша сирень, помнишь? Белая, фиолетовая, розовая. Как мы ее ждали! Помнишь, как ломали охапки и растаскивали по домам? Мама ругалась – куда? Ваз не хватало, ставили в банки. И запах сирени, невозможный запах сирени расползлся по нашим убогим комнатухам, заползая в душные кухни, пытаюсь забить, заглушить невыносимые запахи коммуналки – щей, жареного лука, бельевой выварки и всего остального.

Кому помешали наши липы, тополя, наша сирень? Варварство просто. Вам легче – вы уехали из нашего двора гораздо раньше, чем я. А мне пришлось наблюдать.

Наши семьи. Родители. Твои тетка и мама. Мои – мама, отец, бабуля.

И Ганкин отец.

Осталась одна моя мама. Все остальные, увы, ушли. Знаешь, я часто думаю о них – например, о твоих. Обе красавицы – и тетка Рая, и мать. И такие вот судьбы. И все-таки зря тетя Рая отвергла Ганкиного отца! Мы никогда не говорили с тобой на эту тему. А вот сейчас я решилась, прости. Тебе так не кажется? По-моему, он был не самым плохим мужиком? Ну да, поддавал. Но при его-то судьбе – похоронить любимую жену, остаться вдвоем с пятилетней дочерью. Кошмар. Он ведь и не женился ни на ком из-за Ганки! А тетя Рая ведь была своя, почти родная. Она бы Ганку точно не обидела. Зря она, зря. Чего испугалась? Уж точно не Ганки – она ее любила. Может, все вообще сложилось бы по-другому? Впрочем, история не знает сослагательного наклонения.

Помнишь, как после ухода Ганки дядя Боря страшно запил. Страшно, по-черному. Все повторял: «За что меня бог наказывает? Сначала жена в двадцать семь, потом дочь в двадцать пять. За что? За какие грехи и так страшно?» Бедный, одинокий старик.

Говорили, что дядя Боря никого не пускал – открывал только медсестре из поликлиники. Был у них какой-то пароль. А она потом разносила по двору – тараканы, клопы, смертный ужас. Он и мне не открывал – ну, ты знаешь. Я пару раз попробовала и поставила точку. А что я еще могла? А вообще-то кошмар.

Сколько этих кошмаров за жизнь, да? И ничего, пережили. Мы пережили. А Ганка нет.

Я стараюсь не смотреть фотографии, где мы все вместе. Невыносимо. Но иногда рука тянется сама, и я подолгу разглядываю наши славные детские мордочки, милые, лучистые, наивные. Прекрасные наши мордахи.

Это сейчас я шарахаюсь от зеркал, как от чумы. Нет, правда! Смотреть на себя не могу. А ведь была ничего, а, Сонь? Куда все делось! Да растащили! Первым был Понаевский. Уж он постарался. Вторым – первый мой, Галкин. Первый законный. Следующим – второй законный, Васильев. Ну а потом – все остальные. Все растащили, разграбили, уничтожили, как не было. Точнее, это я оказалась такой идиоткой, что позволила все растащить по кусочкам, по крошкам, по

каплям. И ничего не осталось. И вот теперь я одинокая и ущербная, по мнению моей собственной младшей дочери Линки, всеми брошенная разведенка, почти старуха. Неужоженная и запущенная. Да-да, старуха – именно так Линка и считает. Для нее наши пятьдесят два – глубокая старость, Сось! Хотя... Мы в ее годы, помнишь, и сорокалетних считали старухами, что говорить.

Моя дочь меня презирает за многое, почти за все – за суетность мою, за тревожность, за вечное пустое беспокойство, за постоянную усталость. И правильно делает, кстати. Я себя тоже за все это презираю. Все я в жизни делала неправильно, все не так. Всё. И со всеми себя вела не так. Ты правильно говорила – я себя не любила. Вот оно, главное! Всех любила, кроме себя.

Дура, чего уж там. Моя дочь права. Но все равно от этого горько.

А у тебя получилось – в смысле, любить себя получилось. Твои слова: «Здоровая доза эгоизма еще никому не вредила!» Ты права. Поверь, говорю это с огромным восхищением – никакого сарказма. Я всегда мечтала научиться быть эгоисткой, тем более что рядом имелся учитель – ты. Но, как я ни старалась, не получалось. Думаю, с этим нужно родиться – с чувством собственного достоинства, которого у меня никогда не было. Всегда, всегда лучший кусок мужьям, детям, родителям. На себе сплошная экономия. Главный слоган, рефрен моей жизни – «Я перебьюсь». Маме нужно пальто, Линке – ролики, Асе – новые туфли. Первый муж копил на машину, второй мечтал о морском круизе. И у всех получилось – один купил машину, второй отправился в путешествие. Правда, без меня, ха-ха! На две путевки денег не нашлось.

Вот жалею, жалею. Ты уж прости – знаю, как ты этого не любишь. Жалею себя, жалею. Реву. А ведь виноватых нет и искать не надо. Вернее, есть. Я. Только я одна, всё. Но жизнь-то прожита, и поэтому очень обидно. Знаю, ты сейчас усмехаешься, и ты снова права, как всегда. Жизнь, разумеется, в пятьдесят два не кончается. Но это у нормальных людей, к коим я себя давно не отношу. Поверь, это не пессимизм – это всего лишь горький реализм, констатация фактов. Я отлично понимаю, что у меня впереди, и иллюзий не строю.

Можно коротко. Неудачный брак Аси. Это уже всем понятно, только не ей, кажется, она все надеется. Дурочка, в мать. Двое внуков, которых еще нужно поднять. Линкины гадости – ничего хорошего я от этой стервы не жду. Это тоже понятно. Замуж она не выйдет – кто будет ее терпеть, с ее невыносимым

характером, вечными претензиями ко всему свету, капризами, алчностью, нетерпимостью, даже злостью? И даже если найдется – случайно, конечно, – такой дурачок, то глаза у него откроются быстро, поверь. Сущность свою ведь не скроешь. Я ничего не преувеличиваю – даже кое-что опускаю. Матери сказать такое непросто, поверь. Но что я буду перед тобой валять дурака? В смысле – дурочку? И перед собой, кстати, тоже.

Мама. Здесь все понятно. Но и мои силы на исходе. А там все новые капризы, все новые претензии. Невыносимо. Мне ее очень жаль, безумно жаль! Но и себя мне жаль тоже. Вот, прорыв, Сонька! Я, кажется, научилась себя жалеть. Но все это от безысходности, только от нее. Чуть бы пораньше научиться бы жалеть себя, а? Когда еще все не так плотно сели тебе на голову. Ладно, хватит. Это уже перегруз для тебя, подруга. Я понимаю.

Давай лучше о прошлом – куда веселее. Правда, до определенного момента. Ну вот, опять сплошной пессимизм. Снова прости.

Почему-то я очень ярко помню несколько моментов из нашей юности. Например, Парк культуры – ты помнишь? Это было, кажется, второе мая, праздники. Да-да, точно – везде продавались воздушные шарик и гремела веселая музыка – праздник трудящихся, как же.

И вот мы, втроем. Рыжая бестия Ганка с шальными глазами и шальной же улыбкой. Я ловлю встречные взгляды. Мужики столбенеют, сбиваются с шагу, спотыкаются, краснеют и бледнеют. Еще бы! Вся она, наша Рыжая, сама не ведая того, всем своим отчаянным видом обещает райские кущи. Но такие опасные райские кущи! Ее яркая весенняя красота бьет в глаза, ошеломляет и немного пугает. К тому же она горда и независима, а это притягивает еще сильнее. На ее лице написано: «А мне на все наплевать!» Помнишь, как кто-то назвал ее Лесной колдуньей? Кто – убей не помню. Кстати, а какие еще бывают колдуньи? Может, морские?

Потом взгляды переводят на тебя. И тут еще хлеще! Я вижу их лица – восторженные, но перепуганные до смерти. Еще бы! Твои гладкие, блестящие, черные, до талии волосы переливаются на солнце, сверкают, как антрацит. А глаза! «Твои зеленые глаза» – помнишь такую песню? Так вот, твои зеленые глаза тоже покоя не обещают, куда там! И добротой они, увы, не полны. Они яростно и возмущенно сверкают, обещая сплошные тревоги и неудобство. Но от этого и пробирает дрожь – я видела, как мужики замирали и не могли оторвать

от тебя глаз. И твои строго, по-учительски поджатые губы и сведенные к переносице брови – твои соболиные, с отливом, длинные четкие брови, – обманка!

Ты их презирала – всех подряд, без исключения. И они это чувствовали и боялись тебя. Но еще и желали – больше всего на свете! Черт с ним, что потом – смерть, виселица, гильотина, вечная каторга. Ты заманивала, расставляла силки, одним взмахом ресниц рыла могилу. И все они, глупые и смешные, мечтали туда попасть.

Но была еще третья – я. И вот тогда-то, разглядев вас двоих, после паралича и остановки дыхания, они переводили взгляд на меня. И вырывался облегченный выдох: мы, кажется, живы. Я, обычная, вполне заурядная и такая понятная, тут же приводила их в чувство. Милая блондиночка, ничего особенного, но все-таки милая, да. Хвост на затылке, пара непослушных завитков, заложенных за ухо. Серые глаза, нос, рот – все такое знакомое, среднерусское, как говорил Понаевский, помнишь? А я обижалась. Вот дура! Я всем была понятна, как дважды два. Я не пугала – таких девчонок море, оглянись вокруг: глуповатых, прыскающих в кулак от смущения, легко краснеющих, вечно хихикающих – своих. С этими дурочками можно целоваться в подъезде, пороть всякую чушь – которую ты бы, например, никогда не простила. С ними можно сидеть на последнем ряду в кинотеатре и мять их потную ладонь своей, не менее потной, класть им руку на колено. Они, эти дурочки, как бы им ни было тревожно и муторно, эту ладонь никогда не оттолкнут. Попробуй взять за руку тебя или Ганку! Даже представить страшно. Ганка укусит, а ты – ты обольешь таким презрением, как ошпаришь.

Так вот, глядя на меня, мужики тут же выдыхают, моментально успокаиваются, перестают чувствовать дрожь в ногах и холодный пот на спине. Они быстро приходят в себя и начинают нести свои глупости: «Девушки, девушки, ах, какие красавицы! А пойдете в кино! Там такая комедия с Луи де Фюнесом, просто шикарная!»

От слова «шикарная» тебя мутит, а Ганку воротит. А вот меня – нет! Что тут такого? Кстати, я бы пошла с удовольствием! А вы, ты и Ганка, презрительно фыркаете им в лицо, снова вводя их в анабиоз.

Вы гордо и быстро идете прочь. «Подальше от этих идиотов», – говорите вы. А что в них плохого? Лично я не заметила. Парни и парни. Обычные. Студенты.

Лично я бы с ними и в кино пошла, и куда б ни позвали. Но я фыркаю вместе с вами, подпеваю вам, подыгрываю, словно я такая же, как вы: красивая, умная, гордая, неприступная.

Но я точно знаю – я не такая. И еще точно знаю – мне надо стремиться к идеалу. А идеал – мои лучшие подруги.

Мы ели мороженое, катались на каруселях, толкались в комнате смеха у кривых зеркал и помирали от смеха. Кривые, косые, толстые, худые, перекошенные. Как же мы ржали, помнишь?

А потом сели в шашлычной. Конечно, деньги, как всегда, были у Ганки, потому что дядя Боря ей ни в чем не отказывал. Она небрежно махала рукой:

– Это все от комплексов, девочки! Снова бабу завел, дома три дня не ночует. И слава богу!

Итак, мы сели в шашлычной. Стеснялись. Даже вы с Ганкой стеснялись – ведь мы играли во взрослых. А взрослыми не были – соплячки. Ну и заказали три шашлыка, три салата и бутылку вина. Ох! Шашлык был жестким, салат безвкусным, а вино кислым. Но мы не сознались в этом. Мы ели и пили с таким удовольствием! Мы так вошли в эту роль – в роль бывалых, искушенных, взрослых.

А потом закурили. Какие же дуры – высмолили всю пачку, и нас затошнило. Ганку вырвало сразу, в кусты. Повезло. А мы с тобой шли и качались. Бледные как полотно, с синяками под глазами, кошмар. И все-таки мы были довольны собой. Нет, даже горды!

А помнишь наш выпускной? Ганка, как всегда, отличилась – пришла в брючном костюме. Все обалдели, еще бы! Кто бы еще мог себе такое позволить? Уж точно не я. Как она была хороша, правда, Сонь? Узкая, длиненькая, невозможно стройная. А костюм? Югославский, да? Да, югославский, кримпленовый. Брюки-клеш и пиджак, фиолетовые. Достала Ганке этот костюм папина любовница – выпрашивала ее расположение. А блузку под пиджак Ганка не надела – ну кто бы на такое осмелился в те годы-то, а? Все обалдели – пиджак на голое тело! Глубокий вырез, а там – дорожка. Невинная такая, полупрозрачная ложбинка, ведущая в рай или в ад. Ну и все дружно, как крысы за дудочкой, обреченно и

радостно туда поплелись – на свою же погибель.

Что там наши мальчишки, придурки и сопляки, – фигня. А вот приглашенные музыканты... Кажется, это называлось ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Взрослые дядьки с волосами до плеч в модных джинсах и батниках. Недостигаемые! Для меня точно боги. А боги эти моментально сбились с нот, едва завидев нашу красотку. Стали переглядываться, перешептываться, чуть не побросали свои электрогитары, тарелки и барабаны.

И ты в своем красном платье. Немыслимом красном платье, шелковом, с открытой спиной. Всё. Здесь можно остановиться. И какой хитрый ход, Сонь! Под твоими длиннющими, до попы, волосами этого никто вначале не заметил. А потом ты волосы забрала. Легко так: раз – и заколка. И всё, всем кранты. Всем нам кранты – учителям, родителям, девчонкам, стонущим в голос от зависти. И мужикам. Конечно, речь не о наших одноклассниках. Что о них говорить – много чести, напыщенные, прыщавые и тупые индюки. Хотя было парочку нормальных – Кротов и Тазетдинов. Всё. Кротов даже присвистнул. Тазик, Тазедтинов, тогда уже сильно нажрался и дрых в раздевалке.

А вот музыканты вообще выпали в осадок – сначала Ганка, потом ты. Ты еще опоздала, помнишь? Мне кажется – уж прости! – это был ход, чтобы ошарашить. Музыканты и ошалели – такие девочки! А никуда не денешься – все оплачено. Пилите, Шура, пилите. Со сцены не спрыгнешь – попробуй! Директриса, наша Бомба, их бы разорвала в ту же минуту.

Бомба, кстати, Ганкин брючный и пиджак без «поддевки» – как она выразилась – пережила. Только строго велела «на сиськах заколоть булавку».

А вот твою голую спину... Я помню, как все забегали – наша классная, завуч, чьи-то мамашки. Поджимали губки, кривили ротки, закатывали глазки, возмущались, всплескивали ручками: «Ох, Литовченко! Ох, и зараза! Провокаторша, шлюха! Ну, с ней все понятно – шалава. Пропадет ведь! Быстро пропадет – с такими задатками!» А тебе было на всех наплевать. Как всегда. Прости, Сонь, это не осуждение – восхищение! Мне бы так научиться поплевывать на окружающих.

А потом артисты эти возбужденные подослали ко мне казачка – поняли, что мы из одной шайки – ты, Ганка и я. Ну и выбрали самую простую и обычную – меня.

И зашептал казачок, обдавая меня горячим дыханием: дескать, в пять утра мы заканчиваем – все, отбой. И приглашаем вас, девочки, на дачу. Недалеко, да и машина у нас. За полчаса домчимся. А там! Там рай, чесслово! Пруд, шашлыки, грузинское вино! Банька, девульки!

Я чуть не задохнулась от волнения и возбуждения. Нет, правда! Чуть не померла. Ну и забормотала что-то невнятное, что, типа, мне надо посоветоваться с подругами. Ха! Как будто не понимала, что волную их не я, а именно вы, мои подруги!

Ганка сразу – почти сразу – согласилась. Глаза у нее загорелись. Она уже тогда запала на этого бас-гитариста. Еще бы – такой высокий, синеглазый блондин. Все наши дурочки с него глаз не сводили. А ты, ты, конечно, завыпендривалась, Сонька! «Куда, с кем, я хочу спать!» Ну и принялась демонстративно зевать, широко и сладко. А я вообще затряслась. Я тогда насмерть влюбилась в барабанщика. Лохматый такой, в очках, как у Леннона. Вот, думаю, сейчас ты откажешься, Ганка подумает – и тоже. Ну а меня – кто спросит меня? Я – так, за компанию. Это ж понятно, кого позвали и кого ожидают. И все, пропала жизнь! Ку-ку моя женская судьба, прощай, мое счастье!

Но Ганка уже завелась:

– Сонька, поедем! Что дома торчать? Ты же не собираешься с этими уродами по Красной площади шататься?

Ты, конечно, не собиралась. А я бы пошла. И на Красную площадь – а что там плохого? Но куда я без вас?

Слава богу, ты согласилась, сделала одолжение.

На часах было три. Музыканты объявили перерыв и пошли перекусить тем, что осталось после нас, выпускников. Я видела, как они по-тихому разливали водку, но никому не сказала – не дай бог, вы откажетесь ехать! А потом всю жизнь себя не могла простить – ведь если бы не я, если бы мы не поехали туда, никакого бы романа у Ганки с этим белобрысым уродом не было. Правда, ты тогда сказала, что она приключения на свою задницу все равно бы нашла. «Свинья грязь найдет», – сказала ты, и я пришла в шок от твоих слов. Но понимала, что ты права. Всегда ее заносило куда не надо. Хотя мне ли об этом говорить, Соня.

Дача эта. Озеро, баня. Пережаренные шашлыки. Водка – рекой. Ну и мы, три дуры. И четыре вполне взрослых и опытных мужика.

Двоих лабухов сразу списали – они быстро нажрались и рухнули спать. Ты тоже ушла – уснула в гамаке. Я из окна на тебя любовалась. Нашла какой-то вытертый плед и укрыла тебя, а сама уснуть не могла. Не спалось. Барабанщик мой напился и спал, некрасиво распахнув рот и похрапывая, никакого дела до меня ему не было. Ну и слава богу, кстати. Я была очень этому рада. Моя влюбленность в него моментально прошла, когда я увидела, как он мочится с крыльца, не обращая на меня никакого внимания. Меня чуть не стошнило.

А Ганка... Ганка ушла на второй этаж с бас-гитаристом. И там состоялось ее грехопадение. Казалось бы, подумаешь! Мы уже окончили школу, так что вперед и с песнями. Но кто ж знал, что так выйдет? Песен не получилось. А получилась ее беременность. С первого раза – вот ведь, а? Да, бывает. И первый аборт. Господи, сколько абортот она от него сделала! А потом родила. Я часто думала – зачем? Неужели чтобы удержать эту сволочь?

Пьяное зачатие, как в кино. Только в жизни это куда страшнее!

Мы с тобой выбрались из этого «веселья» без потерь. А наша Ганка... А нашей Ганке не повезло. Ужасно не повезло, да, Сонь? Ну почему ей выпала такая судьба? Я задаю себе этот вопрос всю жизнь, Соня, всю жизнь! И не нахожу ответа. Вернее, ответ есть – такая судьба.

Господи, я представляю, как ты сейчас злишься! Да-да, отлично представляю, прямо вижу перед собой твое недовольное, крайне недовольное лицо. Ты думаешь, зачем я снова тебя втягиваю во все это, в эти воспоминания, которые ты наверняка назовешь сопливыми и климактерическими. Плохое надо забыть – тоже твои слова. И ты снова права! Но я не умею.

К тому же, если ты помнишь, я всегда была сентиментальной, в отличие, кстати, от вас с Ганкой. Всегда была плаксивой, тревожной. Да. И тут еще добавилось это – моя графомания. Меня и сама это пугает. Нет, честно! Прямо рука тянется к клавиатуре, ей-богу! Наверное, это гены деда Ивана – помнишь, как он обожал строчить кляузы? Просто заваливал ЖЭК, райсовет, Моссовет и что там еще, черт его знает. Помнишь, как он написал кляузу на нашу директрису, на Бомбу, когда в десятом классе нашел сигареты у меня в кармане и обвинил во всем

школу. Кстати, после смерти деда я нашла его записи – типа воспоминаний. Довольно интересные записи, кстати, даже увлекательные – война, послевоенные годы, неудачи, удачи и все остальное. Веришь, написано здорово!

Бабушка говорила – и мама ее поддерживала, – что до инсульта дед был вполне нормальным и приличным человеком. Не знаю, по его воспоминаниям так не скажешь. Там на каждой странице обвинения всех и во всем – во всех его несчастьях виноваты другие: родители, жена, преподаватели, друзья, коллеги.

Когда дед ушел, я только обрадовалась. Нет, правда – признаться в этом неловко, но так и было. Сразу стало легче дышать. Мою позицию разделяли и мама, и папа – я это чувствовала. А вот бабушка горевала, да как – плакала, убивалась по нему лет восемь, до самой смерти. Знаешь, я тогда с удивлением думала – надо же, любят и таких! И за что, интересно? А бабушка говорила – у всех людей есть недостатки, а его было за что ценить и любить.

Позже я поняла – было, да. Дед всегда был добытчиком. Хорошая зарплата и все в дом. На рынок и в магазин ходил только он, со слесарями и врачами общался тоже он, за квартиру платил он – бабушка не брала в руки квитанции и не знала, как их заполнять. А на даче? Это дед развел огород и вырастил – помнишь? – помидоры с кулак и виноград. И это у нас в Подмосковье! А грибы? Он притаскивал их корзинами, даже не в грибные годы, и солил, мариновал. Какие были у него закрутки, помнишь? Как мы открывали банки с солеными огурцами и вишневым компотом? А? Он был хозяином, мой склочный дед, и был хорошим мужем, хорошим отцом и хорошим дедом. И даже тестем он был хорошим. Мой склочный, невыносимый, занудный дед Ваня.

Ну вот! Опять меня потащило в какие-то дебри.

А что до моей графомании... Сонька! Я и вправду хочу писать! Смеешься? Конечно, смеешься! Ну вот, я тебя развеселила, ура! А может, и вправду попробовать? Ну пишут же сейчас все, кому не лень. А мне вот точно – не лень. При моей жизни это, скорее всего, единственная отдушина, барьер, стена, чтобы отгородиться от всех и всего. Как будто я ныряю в теплое озеро и вижу прекрасный подводный мир – разноцветных рыб, кораллы, качающиеся растения. И на какое-то время меня отпускает. Я ничего не помню, когда пишу – что было сегодня, что ждет меня завтра. Вот такой релакс у меня, Сонь! Так что прости уж, а?

Так вот, про Ганку. Ты тогда сказала на мои причитания по поводу гитариста и того, что он погубил нашу Ганку, что «она сама во всем виновата», ее выбор, добровольная Голгофа.

Да, наверное. Никто ее не тянул на аркане, правда. Но разве это повод не жалеть ее, не тосковать, не горевать по ней, бедной? Она оказалась слабой, наша девочка. Но мне слабых еще жалче, потому что сама, наверное, не из сильных.

Вот и получилось, что умная и сильная у нас только ты, Сонька. Нет, главное – ты умная, сразу разобралась, чего хочешь от жизни. А это самое главное.

Знаешь, признаюсь тебе, мне было неловко слушать твои рассуждения по поводу детей. Я даже думала, что у тебя просто не получается, вот ты и утешаешь себя.

У меня тогда уже была Аська. Я смотрела на нее, и мое сердце рвалось от любви, восторга и нежности, а еще от страха. Это кошмарное чувство – вечный материнский страх. Он буквально сжирает тебя – ни дня не дает передышки. Жрет изнутри, грызет по кускам, лязгает зубами, снедает и истязает. Вечный страх, понимаешь – до самого твоего конца. И если по-честному, не для того, чтобы потрафить тебе, нет! Просто набраться смелости и произнести это вслух. Да-да, набраться смелости! Потому что и про себя это подумать страшно. Невозможно. Неприлично. Ужасно.

И все-таки. Дети. У меня их двое, две дочери. Я всегда думала – счастье, что девочки! Боже, какое счастье! Мы будем подружками, а как же! Станем шушукаться, доверять друг другу самое сокровенное, самые-самые невозможные секреты, меняться шмотками и обувью. Они, разумеется, будут поливаться моими духами. Я стану злиться и орать на них. Без скандалов не обойдешься – бабы ведь! Но мы будем и читать вслух стихи – они, мои девочки, станут обожать поэзию и бардовские песни, как и я, я их научу, все объясню. Хотя вряд ли можно любовь объяснить. Мы будем рассуждать о мужчинах. Я научу их многому – да-да, не смейся! Потому что у меня опыт – горький, но опыт. А это еще лучше, что горький – я предостерегу их от ошибок, которые совершила сама. В конце концов, мы будем печь пироги, все вместе на нашей кухне, заляпанные мукой и вареньем. И они, мои девочки, будут очень дружные. И я буду спокойна – когда я уйду, они останутся вдвоем. Ничего не получилось. Ничего.

Что у нас в сухом остатке? Вот именно. Правда, и остаток тот не сухой, а мокрый, щедро сдобренный моими слезами. Девки мои не то что не дружат – они с трудом выносят друг друга. И дело не в том, что они разные и рождены от разных отцов, нет, я уверена. Значит, это моя вина? Копаюсь, ковыряюсь, мучаюсь, страдаю. Но ответа не нахожу, веришь? Мне кажется, что любила я их одинаково. Жалела тоже. Баловала обеих. Покупала всегда всего поровну. Уделяла внимание тоже поровну, одинаково. Тогда почему так вышло?

А самое главное, что ни с одной, ни с другой у меня ни дружбы, ни взаимопонимания не получилось. Нет, с Асей, конечно, лучше. Она хорошая, нежный, тонкий, тревожный человек. Все чувствует, все понимает. Но она не нуждается во мне, в наших с ней разговорах. Не страдает от того, что нет у нас с ней близости. Она бы вполне обошлась без меня, будь у нее все в порядке – мне так кажется.

А Линка – ну здесь вообще тяжелый случай. Я понимаю: Ася хорошая, но вечно несчастная. Она всегда, при любых обстоятельствах, будет считать себя жертвой – такая натура. Еще хуже, чем я. С ней очень сложно. Линка – та просто стерва. Банальная стерва, и все. Вот эта всех сожрет, всех подомнет под себя. Для нынешнего времени, наверное, хорошо. Не такая мямля и тетеха, как мы с ее старшей сестрой, за это она нас и презирает.

Но мне неприятно, что моя дочь с таким откровенным презрением относится ко всем вокруг. Такой я ее не растила. Она очень цинична, моя младшая дочь, и не собирается это скрывать. Она гордится своими недостатками, как другие гордятся достижениями. Она пинает и без того несчастную, депрессивную Асю, насмехается над больной бабушкой – жалости и сострадания в ней нет ни на йоту! И посмеивается надо мной: «Ну-ну, давай продолжай! Ты же у нас жертвенница! Герой Соцтруда. Вы же с этой, – кивок на Асину комнату, – тащитесь оттого, что вам плохо и тяжело. Вы ж как маньяки – чем хуже, тем лучше!»

Глупости. Бред. Я упиваюсь своим одиночеством? Своими неприятностями? Вранье. И сравнивать меня и Асю глупо – я ведь выстаивала всегда, правда? Всегда боролась – как могла, как умела. Спротивлялась. Шла наперекор. Падала, да. Мордой об стол – да сто раз, кто ж спорит! Но поднималась и шла дальше. А Ася, бедная Ася! В ней, мне кажется, совсем нет жизненных сил, энергии. Слаба она во всем – телом и духом. Чуть что – в слезы. Правда, не без

оснований. Ей и вправду сейчас очень сложно. Очень. И ничего у нее хорошего – что правда, то правда. И самое ужасное, что Линка нисколько не жалеет старшую сестру. Представляешь? Ей незнакомы сочувствие, сопереживание, эмпатия, жалость. Какая-то душевная ущербность. Она моральный ампутант. И к племянникам она совсем равнодушна. Дети ее раздражают, выводят из себя, «бесят», как она говорит. Мне кажется, она вообще какой-то душевный инвалид, наша Линка. В общем, резюме, дорогая! Дети – далеко не цветы жизни! Ох, не цветы! Нет, были, конечно, и радости, и умиление, и даже восторги. Но – мне ты можешь поверить! – куда больше в жизни родительской печалей, нескончаемых хлопот, тревог – бесконечных, непрекращающихся. Обид и неоправданных ожиданий.

Ты уж прости. Пишу об этом не для того, чтобы ты меня пожалела, нет! А чтобы ты посмеялась над такой дурой, как я. И порадовалась за себя, что ты от всего этого свободна. В общем, почувствуйте разницу. Ха!

Вот мой день. И так, раннее утро. Точнее, полседьмого утра. Сейчас декабрь, и за окном – ну, ты понимаешь. Тоска смертная, вот что за окном. Кстати, снега почти нет, и это печально. Он, по крайней мере, дает освещение. А сейчас кругом черный и мокрый асфальт, грязные лужи, даже не серость – сплошная чернота. А уж по утрам!.. Куда делись зимы, Соня? Куда? Куда делись морозное свежее утро, снегири под окном, рыхлый серебристый снежок? Помнишь, как мы балдели зимой? Санки и горки, коньки и лыжи? Ничего этого нет и в помине, увы.

В окно я стараюсь не смотреть. Да и времени нет. Я подхожу к маме, слушаю ее дыхание – дышит. Облегченно выдыхаю и бегу в ванную. По дороге ставлю чайник. Умываюсь и – шмяк, бяк крем на лицо. И снова на кухню. Чайник вскипел, и я кидаю в чашку две ложки растворимого кофе. Страшная расточительность, совесть мучает. Но так хотя бы его можно пить. Ты знаешь, что кофе я обожаю. А вот варить его в турке времени нет. Сыр на хлеб, масло не мажу – экономлю время. Ну и не нужно мне масло – стройнее буду. Сыр – барахло. Точнее, полное дерьмо этот наш сыр. Почти несъедобный, жухлая трава. Просто отравы. Ладно, проехали.

Тут же, одновременно, крашу глаза. Дело это минутное, я давно не заморачиваюсь на эту тему. Пудра, тушь, чуть духов на шею. Духи, кстати, твои! Хорошо, что я экономная – им уже три года, а все не кончаются и продолжают меня радовать. Чудный запах, настоящая Франция, не подделка, спасибо тебе!

Помнится, ты привезла их из Андорры?

Все, чашка пустая, и я громко выдыхаю – пора! Захожу к Линке, как в клетку с тигром, потому что знаю, что меня ждет. Терблю ее за плечо:

– Лина, вставай, опоздаешь!

Выбрасывает ногу из-под одеяла – я отпрыгиваю на шаг. Нет, она не собирается меня пинать – просто так выражается ее недовольство.

– Отстань! – шипит она. – Как же вы все надоели!

Я, конечно, не отстаю:

– Лина, пора! Ты опоздаешь!

Никакого ответа, только шипение сквозь зубы. Отворачивается к стене и укрывается одеялом.

– Пошли все на...

Боже! Может, все-таки мне послышалось?

Я уже ору:

– Лина! В конце концов! У тебя сегодня английский! Тебе в этом году поступать! Как можно так легкомысленно...

Я не успеваю закончить, как она резко поворачивается ко мне. Я сталкиваюсь с ней взглядом, и мне становится страшно: ненависть, ненависть. Сплошная ненависть, даже не раздражение!

– Я знаю! – Змеиное шипение сквозь плотно сжатые зубы. – Я помню! Отстань! Я пойду ко второму уроку, слышишь? Или к третьему! Поняла? Все, уходи! И закрой плотно дверь!

– Стерва, – бросаю я и чуть не плачу. – Мне, как ты думаешь, легко платить твоим репетиторам? Какая ты дрянь!

– А я тебя не просила, – широко зеваает она. – И кстати, это твоя прямая обязанность – платить за несовершеннолетнюю дочь, поступать ее в институт. Позвони своему бывшему и попроси у него. Точнее – поклянчи!

Я с бешенством хлопаю дверь. Ну как могла у меня получиться такая вот дрянь? Такая стервоза? Не понимаю! У меня дрожат руки, подкашиваются ноги и ноет сердце. Пытаюсь взять себя в руки – у меня впереди трудный день. Хотя почему трудный? Обычный. Обычный трудный день, ничего нового.

Я знаю, что ты усмехаешься, читая про эту дрянь, мою дочь. И ты, как всегда, права. Но, поверь, я все время откручиваю пленку. Все время анализирую. Все время ищу свои ошибки – ну ты меня знаешь, помучить себя я умею. И представь, ничего крамольного не нахожу, даже при моем колоссальном чувстве вины всегда и перед всеми!

Тогда – почему? Почему она получилась такая? И кто виноват? Может быть, дело в наших отношениях с ее отцом? Но скандалов, громких, отвратительных, у нас не было. Мы выясняли отношения тихо, чтобы не слышал никто из домашних. Да и было ей тогда три с небольшим. Что она может помнить?

Обида на отца – вот причина ее поведения? Да вряд ли. С ним она довольно мило щебечет и никогда не отказывается от встреч. Еще бы! Он поведет ее в дорогой ресторан и подкинет денег.

Может быть, она осуждает меня, что я его упустила, а потом отпустила? Не хватала за рукав, не удерживала: полюбил – уходи. А могла бы перетерпеть, переждать, пере... И дочь осталась бы при отце, а я при муже. И все его деньги принадлежали бы нам, его семье. И ничего не пришлось бы выклянчивать, унижаться.

Не знаю. Она как-то с презрением сказала: «А что вообще он в тебе нашел? Вы же совсем не подходите друг другу!»

Конечно, ее успешный отец и курица-мать! Не пара. А вот следующая жена ее отца – в самый раз! Умница, красавица, молодуха. К тому же у нее свой

цветочный салон.

Ладно, поехали дальше. Со злостью думаю: «Черт с тобой, дрыхни дальше».

Темочка. Я осторожно захожу в комнату Аси и внуков. Главное, не разбудить Асю и малышку – бедная Ася и так не высыпается. И это при ее-то здоровье и настроении! Темочка – теплый и сладкий, любимый комочек. Пока еще комочек – три года! Самый нежный возраст. Невообразимо теплый и сладкий – чуть потненький кудрявый затылочек, самый любимый на свете!

Не знаю, возможно, кто-то любит детей сильнее, чем внуков. А у меня не так – внука и внучку я точно люблю больше, чем своих дочерей. И не только потому, что они маленькие и беззащитные – внуки пока не приносят мне боли и огорчений. Не обижают меня. Они не хамят мне, не требуют денег.

Они просто меня любят, я надеюсь. И кажется, чувствую это. Темочка особенно, Лизонька еще слишком мала. К тому же он нуждается во мне, а мои дочери – нет.

Мне ужасно жалко его, моего мальчика. Ему достались слишком нервная мать и неважный, равнодушный отец. А мальчик хочет любви. А кто не хочет любви, Соня? Даже в преклонном возрасте. Это я про себя, но не о мужской любви речь – от них мне не надо любви, отлюбилась.

Ася занята девочкой. Мой зять... Ну об этом чуть ниже. Тетка детьми пренебрегает – и это в лучшем случае, а то и пошлет. Прабабушка болеет и почти ничего не понимает. Сестричка слишком мала. И кто у него остается? Правильно – я, его бабушка. Ну я и стараюсь хоть как-то компенсировать, хоть как-то долюбить. Дать то, чего ему не хватает. И мне кажется, что он это чувствует. Дай-то бог!

Мне безумно, просто до слез, жалко его будить, умывать, одевать, кормить кашей, тащить по этой хмари в сад. Сердце рвется, но надо! Ася не справляется с двумя, ей тяжело. Да и Лизонька дает прикурить – беспокойный ребенок. А какой она может быть при такой нервной беременности, таких родах и вечно плачущей матери?

Темочка удивленно смотрит на меня, и на его личике появляется жалкая гримаска:

- Баба! А давай не пойдём в сад?

Я чуть не плачу.

Но он встает, мой храбрый солдатик, и медленно, пошатываясь, бредет в ванную. Он тоже не выспался – Лизонька спит плохо, тревожно. Но взять его к себе я не могу – мама. Я встаю к ней раза три за ночь – попить, поменять памперс. Мама громко стонет по ночам и даже разговаривает во сне.

Темочка умыт и послушно сидит на кухонном табурете – ждет ненавистную кашу. Молча глотает, не спорит – знает, что каша полезна. Сидит напротив и хлопает сонными глазенками. Невыносимо.

Я говорю ему, что иду проверить бабушку, и он послушно и обреченно кивает – привык. А когда я вернусь от мамы, он будет дремать, прислонив голову к стене. Так, все. Теперь к маме. «Держись, дорогая, держись! Тебе зачтется», – усмехаюсь я про себя.

Только когда, а? Кажется, я не дождусь, просто не доживу.

Так, маме каша, теплое молоко, таблетки, чистый памперс и выслушать поток жалоб. Все как обычно. Обедом ее покормит Ася – не обедом, так, перекус, детское питание из баночки, Лизонька поделится.

Я уже одеваю Темочку, когда из своей комнаты выползает Ася. Смотреть на нее страшно – тощая, бледная в синеву, под глазами черные круги, волосы всклоочены. И я начинаю понимать своего зятя. Сейчас его нет – очередная командировка. Точнее – очередной побег от семьи. Конечно, его можно понять – ядовитый плющ, наша Линка, стонущая старуха в соседней комнате, неприбранная и раздраженная жена и теща с вечно поджатыми от недовольства губами. Теснота, одна ванная и один сортир. Вечная нехватка денег и как следствие – бесконечные разговоры на эту тему. Тоска, что говорить, я понимаю. И Ася его раздражает. Так же, абсолютно так же, она выглядит и при нем. Представляешь?

Я бьюсь с ней, без конца разговариваю на эту тему, а она только плачет и огорчается:

- Мама, прекрати, ради бога! Ну нет настроения, нет!

А как-то хмыкнула:

- Ага, вот ты всегда прибиралась, всегда старалась быть дома в порядке. А результат? Было два мужа - и? Не помогло, да?

Ну я и заткнулась. Мне вообще лучше молчать, не вступать с ними в дебаты, все равно проиграю.

Ася ползет по стене. На лице сплошное страдание. Мне ее жалко, но внутри поднимается раздражение. Зачем она вышла за него замуж? Мне этот Денис никогда не нравился. Господи, что я несу? Как будто моей маме нравились мои мужья. Я считаю, женился - обеспечь семью. Не нравится жить в коммуналке - снимите квартиру! Правда, я понимаю: зарабатывает он не ахти как много. На приличную квартиру, пусть в две комнаты и чистую, не убитую, в нормальном районе, вряд ли хватит. К тому же здесь Темочкин сад и я на подхвате.

Сбегаёт этот Денис при каждом удобном случае. Не командировки - так рыбалки, бани, встречи со старыми друзьями, поездки на родину, в Волгоград. Дома он почти не бывает, особенно в последние два года. Ни погулять с ребенком, ни помочь по хозяйству, ни сходить в магазин или на рынок. А уж про то, чтобы сходить куда-нибудь вдвоем с женой - про это вообще я молчу. За последние пару лет ни разу. Ни разу, Сонь! А ведь я предлагала. Да тысячу раз предлагала: «Ася, сходите в кино. Или в кафе. Или просто пошляйтесь по улицам - я готова остаться с детьми, да ради бога!» Так нет! Она ему предлагает, а он: «Я устал. Отстань. Не хочу. Это ты не работаешь, а я...» Нет, представляешь? Он искренне считает, что дом и двое детей - это так, ерунда. Аська, конечно, плачет - обидно. Говорит: «Мам, он что, стесняется меня?»

«Глупости, глупости», - бормочу ей я.

Ты же знаешь, Аська хорошенькая! Тоненькая такая, даже после двоих родов. Волосы замечательные, в Мишу, помнишь? Еврейские волосы - густые, темные, крупными кудрями. Глаза большие. Да все у нее совсем неплохо! И вообще,

знаешь, мне кажется, что у него кто-то есть. Нет, точно, поверь мне, я чувствую! Опыт – сын ошибок трудных. Это Аська-дурочка не хочет об этом думать, ей так проще. А я, старая фронтовая лошадь, все понимаю. Я и сама побывала в любовницах. Пока мой Васильев не ушел от первой жены.

Помню, как пугалась своих воспаленных глаз – сумасшедших, вечно блуждающих глаз, как подолгу разглядывала себя в зеркале – и чего там искала? Как роняла чашки и ложки, поливалась духами, меняла наряды. Рвалась из дома – и на дочку, кстати, мне тоже было почти наплевать. Так и он, этот Денис. Наряжается в новые шмотки, поливается одеколоном, накупил какого-то дорогого белья – «Кельвин Кляйн», что ли. И самое главное, я вижу, как он смотрит на Асю – с таким пренебрежением, с таким раздражением, с такой неприкрытой тоской. Вот, кажется, так бы и завыл как волк. И рвется, рвется из дому. Как будто шило в заднице. Одна мысль – сбежать. А приезжает? Ну это вообще! Больные и безумные глаза, растерянность, озабоченность. Скука. Такая непроглядная скука написана на его лице и даже почти ненависть – ко мне, к Линке. И к Асе.

Прости, скачу по странице, как блоха по собаке. А еще собралась в писатели! Ха!

Итак, я перекидываюсь с Асей парой слов – и тоже стараюсь поскорее смыться, чтобы не слушать ее нытье и вечные жалобы. И снова понимаю своего зятя, увы.

Напяливаю на полуспящего Темочку пуховичок и шапку, втискиваю его в сапоги, и мы выскакиваем за дверь.

На улице уже чуть светлее, но все равно темновато и сыро, промозгло, просто до костей пробирает. Я снова думаю про здоровый морозец. Как давно его не было. Ташу бедного сонного ребенка за руку, почти бежим, чтобы не пропустить автобус. В сад мы едем на автобусе – пять остановок. Нет, есть сад, конечно, ближе, в пяти шагах от нашего дома. Но, говорят, он плохой, а наш – замечательный: и чудесные воспитатели, и приличная еда, и замечательная территория. Вот и ездим.

В автобусе усаживаю мальчика на сиденье, сама стою. Он снова засыпает. Бедный ребенок!

Ну все, довела, раздела, коротко поговорила с воспитательницей и – вперед, на работу!

Знаешь, работа – мое спасение, правда. В нашей комнате четыре тетки, мои коллеги. Точнее так – три тетки, включая меня. Мать-одиночка Лена Васильева, Лариса Петровна – пенсионерка и Валечка – моя ровесница.

Лариса всю жизнь замужем, с мужем ей повезло, но не повезло с сыном – сын пьет. У Валечки, наоборот, муж барахло, поддающий, «слабо пьющий», как она говорит. А вот сын замечательный! Просто гордость и материнская услада ее сын – музыкант, скрипач, служит в приличном оркестре, ездит по миру, хорошо зарабатывает, осыпает мать подарками – норковая шуба, колечки, сережки. Не сын, а сплошное счастье. Но не женат. Валечка страшно переживает по этому поводу – хочет внуков и покоя, а он все никак. А парню уже тридцать три.

Однажды я предложила ей познакомить его с Леной Васильевой. Она прекрасная женщина, умная, симпатичная, очень хозяйственная, в понедельник всегда тащит нам пироги. К тому же своя квартира, машина. Не повезло – родила дочь, а возлюбленный не женился. Так и осталась одна.

Вот я и озвучила гениальную, как мне показалось, мысль Валентине. И что получила в ответ?

– Что вы, Аля! О чем вы говорите? Лена и мой Володя? У Лены же ребенок!

– И что? – возразила я. – От этого она стала хуже?

Валечка, красная и возмущенная, яростно качала головой:

– Нет, Аля! Нет! Но зачем нам чужие дети? Володя здоров и вполне может родить своих! Зачем ему женщина с прошлым? Да еще и таким непонятным, туманным?

– Туманным? – переспросила я. – А что там туманного, Валя?

– Да все! – возмущенно проговорила она. – Все, как вам не ясно? Вот почему тот мужчина на ней не женился? Вы знаете почему? Вот и я не знаю! Значит, было

там что-то не так! – Валентина гневно сверкнула очами и, кажется, обиделась на меня.

«Ну вот, – подумала я, – нашла себе врага. И зачем? Лезу, как всегда, впереди паровоза».

Вечно мне больше всех надо. Но за Лену я обиделась. Какая глупость! Мы знаем нашу Лену три года, и за это время можно было вполне составить о ней впечатление. И Валю я знаю давно. Знаю как добрую и мудрую женщину. Казалось бы... Но Валя-коллега и Валя – будущая свекровь, видимо, истории параллельные. Ты мне, Соня, всегда говорила – не лезь в чужие дела, не давай дурацких советов. И была права. Чего я и вправду полезла?

Наш конфликт с Валечкой скоро был забыт, и снова все стало отлично. Комната у нас небольшая, но очень уютная. Я прихожу и сразу ставлю чайник – как только начинается рабочий день, мы пьем кофе, это обычай, привычка.

Завариваем его в прессе.

Кофе покупает Валечка – с деньгами у нее в порядке, спасибо сыну.

Вот тут я и наслаждаюсь первой чашкой настоящего кофе. И вообще расслабляюсь – здесь спокойно, никто никого не трогает, не дергает и не грузит. Все молча пьют кофе и перебрасываются короткими фразами – погода, вчерашний сериал, последние новости. Я прихожу в себя, мне хорошо. Как мне хорошо, Соня!

Я отключаюсь от своих домашних, и это счастье. Я забываю про Линку, про Асю, про маму и зятя. Отвлекаюсь от Темочки и Лизоньки – на короткое время перестаю о них волноваться. И я вижу, как мои женщины тоже расслабляются и приходят в себя. Выходит, что я не одна – у всех, как говорится, свое. После получасового кофепития мы приступаем к работе.

Знаешь, я люблю свою работу. Тебе, конечно, это покажется странным – как можно любить эту нудьбу, как ты всегда говорила. Да, бухгалтерское дело кажется нудным, не спорю. Цифры, цифры, отчеты. Но я как-то отключаюсь от

своих проблем, ныряя в бесконечные столбики цифр. Эти монотонность, размеренность и предсказуемость меня точно успокаивают. И потом, никто меня не тербит, не просит есть, пить, дать таблетку, выгладить блузку. Никто от меня ничего не требует, не цепляет меня, не насмехается надо мной. Со мной все дружелюбны и тактичны. К тому же мы устраиваем себе перерывы на кофе и булочки. Как мы говорим, на баловство. За булочками бегают Леночка, как самая молодая. А булочки – прекрасные, свежие, только что из печи – продаются напротив, в замечательной булочной.

Леночка притаскивает целый пакет, и наша комнатка тут же тонет в сладких, восхитительных запахах корицы и лимонной цедры, ванили и горячей сдобы.

Да, хулиганство. Конечно! И нас немного мучает совесть. Но это такая радость, и мы с радостью идем на этот страшный проступок. В нашей жизни так мало радости и так много печалей.

Полчаса на кофе с плюшками – и снова работа.

Конечно, к концу дня устают глаза, затекает спина. Хочется на воздух. К тому же я начинаю нервничать и поглядывать на часы – мне нужно поторапливаться за внуком, я боюсь опоздать. Я снова боюсь, Соня. Я снова тревожусь.

На улице я глубоко вдыхаю и пару минут стою у подъезда нашего офиса. Скидываю с себя рабочую усталость и – вперед! Вперед, Александра Сергеевна! Дела-то не ждут. И снова забег – метро, автобус, скользкая дорожка, ведущая к садику. Темка. Он бросается мне в руки и, кажется, счастлив.

– Ба! – кричит он. – Ты пришла? Мы едем домой?

Мы медленно идем по аллее и болтаем. Внук рассказывает о событиях прошедшего дня – суп съел до дна, по рисованию получил три звездочки, на физкультуре устал, а на полдник давали ватрушки с повидлом. Подрался с Федькой, помирился с ним же. В общем, жизнь. Маленькая жизнь маленького человечка.

На остановке покупаю ему мороженое. Слава богу, что об этом не знает Ася, это наш секрет. Темка меня не выдаст, я знаю.

Он такой умненький, Сонь, такой сообразительный! И хорошенький очень. Я схожу с ума, когда он болеет. И еще я горжусь им, очень горжусь! И опять жалею. И бесконечно люблю.

Ну и снова дом. Снова дом! Господи! Я открываю дверь, и мне не хочется заходить внутрь. Ведь это ужасно, правда? Я понимаю, как это ужасно. Но никуда не деться, Соня. Никуда. Никуда мне деться, увы – все без меня пропадут.

Знаешь, о чем я мечтаю? Вот, расскажу. Только не смейся! Если бы у меня были деньги – нет, не миллионы, о миллионах я не мечтаю. Зачем мне они? Так, скромные, но все-таки деньги – тысяч двадцать, например, долларов. А что? Не такая уж страшная сумма, правда? А для кого-то вообще смех, ерунда. Но не для меня. Так вот, я бы уехала. Да-да, уехала к морю, все равно к какому – Черному, Азовскому, Каспийскому. О Средиземном я не мечтаю, это понятно. И купила бы домишко. Домишко. Домок. Избушку. Совсем маленький домишко – в одну комнатку. Но, конечно, с терраской. Помнишь, мы жили в таком в Лоо? Меня бы устроила комнатка в двенадцать метров, не больше: шкаф, кровать, стол, два стула. Ну и закуточек для кухни, кухоньки. Метр на метр, не больше. Плитка в одну конфорку, раковина и маленький холодильник, все. Поверь, мне вполне достаточно. Что мне нужно одной? Знаю, смеешься. Нет, правда, мне хватит, поверь. Жизнь приучила меня к аскетизму. Попробуй пожить в моих условиях.

Так вот, продолжаем. Итак, комнатка, кухонный закуток и терраска. Вот последнее обязательно, без терраски никак. Конечно, желательно с видом на горы, на море. А на терраске шезлонг и маленький круглый столик. Такие продаются в «Икее», ты знаешь – черные или белые, из металла, под чашку с чаем и под книжку. И вот оно, мое счастье: я сижу на терраске и пью чай. Или кофе. Или – морс, все равно. А в руках у меня книжка – тоже все равно какая, Соня! Пусть ерундовый пустой детектив, пусть про любовь, пусть что-то из классики – например, Золя или Толстой. Повторяю – мне все равно! Потому, что и Золя, и Толстой, и дурацкий детектив – это счастье и покой, уединение, одиночество. Меня никто не дергает, никто ничего от меня не ждет. Ни-че-го, понимаешь? Мне не надо стоять у плиты, сгибаться над гладильной доской и раковиной. Выслушивать жалобы и стенания. Бежать в магазин. Торопиться. Не надо – я сама себе хозяйка, Соня! Хочу – сижу, хочу – лежу. Хочу – читаю, хочу – сплю. А захотела пройтись – пошла и прошлась! В кино. В парк. На море.

На рынок – купить теплых лепешек и стакан варенца. И не надо мне никаких супов и котлет – господи, как они надоели! На что потрачена моя жизнь? На эти котлеты, борщи, пеленки, пылесосы и тряпки. И все это почти убило меня.

Тебе, конечно, не понять. Ты просто поверь.

Ну и вот – я спокойна и счастлива, да. Сбылась моя мечта: я одна. Я отдыхаю от мамы, детей, даже внуков. От работы. От этого города, давно мною разлюбленного, чужого и неудобного, даже опасного. Но я понимаю: это иллюзии. Ведь все припрутся туда, Соня. Точно Ася с детьми. Линка – та навряд ли, хотя черт знает, что там ей стукнет в голову?

Да, самое главное – мама. Ты же понимаешь, что все это будет возможно при определенных обстоятельствах, когда мамы не будет. Я сволочь, да? Сволочь, я знаю.

Мамы когда-нибудь не будет. Привыкнуть к этой мысли невозможно. Но и мечте моей никогда не сбыться, никогда. Потому что у меня никогда – никогда! – не будет двадцати тысяч долларов. А для кого-то ведь это такой пустяк, правда? А для кого-то – невообразимое и невозможное богатство. Такая жизнь.

Но я все-таки продолжаю мечтать. Например: Ася и этот чертов Денис наконец купят квартиру. Глупость, конечно – на что? Да и нужно ему все это? Сомневаюсь. Я вообще жду плохого – самого плохого, Сонь. Жду, что он свалит. А он точно свалит, я чувствую. Там у него серьезно – это я тоже чувствую, все это не просто так.

Но я продолжаю мечтать – итак, Ася с семьей уезжает в свою квартиру. Линка удачно выходит замуж. Да, очень удачно – за обеспеченного человека, конечно, с квартирой. Ну и валит туда, к нему. А?

Только Линка моя... Вряд ли она вообще выйдет замуж, кто ее возьмет, мою дуру? К тому же она так некрасива. Может быть, в этом причина ее говенного характера? Комплексы? Вполне возможно, зеркала еще не отменили. Ей не повезло – вылитый папик. Только папик ее как мужик был очень даже, а, Сонь? Ты же сама говорила: «Васильев – красаве?ц!» Ничего он был? Высокий, худощавый, поджарый, черноглазый, носастый – для мужика это плюс. Да, губы узковаты. Но это его не портило, правда? Фактурный он был мужичок, не зря же

меня понесло. Так вот, Линка – копия своего папаши. Ко-пи-я! А с возрастом – еще больше. От меня ничего, от него – все, до деталей. Только в мужском варианте это прекрасно, а вот для девушки... Не совсем. Бедная Линка. Глаза маленькие, глубоко посаженные, чего уж там. Рот узкий. Нос... Да, и с этим не повезло, еще как. Тощая, голенастая цапля. Да, цапля на тонких ногах с большим клювом.

Мне так хочется ее утешить, сказать ей, что все поправимо. А уж сейчас-то – смешно говорить! Нос можно уменьшить, губы поддуть, широкие брови выщипать. Сделать хорошую стрижку и – вперед! Тощие в моде, худоногие – тоже. Если приложить усилия и добавить денег... Правда, с последним плохо – в смысле, с деньгами. Мне так хочется ее утешить!

Но разве можно все это сказать? Никогда. Я даже не представляю, чем это может закончиться. Скорее всего, она меня разорвет на мелкие части, спалит, уничтожит. Она же изо всех сил делает вид, что у нее все в порядке. Она самая красивая, самая умная и остроумная. Все от нее просто тащатся.

А на деле... Я слышала, как она ревет, наша железобетонная, наглая хамка. В подушку ревет.

Наверняка влюблена. Первая любовь – самое время. А он, наверное, не отвечает. Зачем ему наша некрасивая и ядовитая Линка? Разве любят таких, тем более в шестнадцать лет?

Вот и злится наша дурочка и всех ненавидит. И ее жалко, и себя. Всех, Соня, жалко! Маму – столько лет без движения. Аську – кажется, почти брошенную, с двумя детьми на руках, мал-мала, Линку-страшилку, нашего ежика. Нет, слишком мило, – нашего дикобраза.

И себя, Соня. Очень жалко себя. А ты говоришь – на море, на море, в тишину и на покой. Какой покой, Соня? Покой, как говорится...

Да, глупо я прожила свою жизнь. Очень глупо. Думала, что так и надо – заботиться обо всех, стать для них незаменимой. И что на выходе? А ничего. Одна пустота. А ведь ты мне говорила: «Пошли их всех подальше, Алька! И хоть чуть-чуть поживи для себя».

Ты у нас умная, Соня. В отличие от меня. Ты всегда жила для себя. И их, мужиков, использовала. И правильно делала! Здесь ведь два варианта, только два: или ты, или тебя.

Знаешь, когда я вспоминаю нашу молодость, нас троих, Ганку, тебя и себя, я отчетливо понимаю, что жизнь уже на излете и ничего хорошего в ней больше не будет. Все хорошее, лучшее, осталось там, далеко, за горизонтом, в нашей юности.

У всех разные судьбы. Ганкина – страшнее и не бывает. Такая умница, такая красавица и так бесславно ушла.

Ты говоришь – сама виновата. Да, это так. И все-таки судьба, Соня. Судьба.

Почему она так вцепилась в этого бородатого козла? Чем он ее покорила? Может, тем, что был первым? Не знаю. Как объяснить любовь?

Она же его очень любила, просто сгорала от этой любви. А наша бедная Ганка всегда как в омут. И еще часто думаю – надо было нам взять ее мальчика. Ну, не нам – мне. Это мучает меня все эти годы, всю мою жизнь. Я и тогда об этом думала, честное слово! Но испугалась, тоже честное слово. Я же трусиха, Соня. У меня тогда все было непросто – закончился Понаевский, я была разобрана на куски, помнишь? Торопливый первый брак – я так тогда спешила! Я спешила спастись. Понимала ведь, что погибаю. И тут же беременность – Аська. Потом эти жуткие роды, вечная нехватка денег, мамина операция, Аськины бесконечные хворобы – все в кучу и все как всегда. А тут еще этот ребенок – больной ребенок, чужой. Ганкин, но все равно чужой. Я уже все понимала, потому что у меня уже был свой. Как Ганка могла, думала я, как она могла так уйти и оставить его? На кого она рассчитывала? На нас? Наверное, да. Только на нас, больше не на кого. Я помню, как она однажды сказала, тихо так, полупшепотом: «Алька, если что вдруг, не забудьте про Герку».

Я тогда ничего не поняла – правда, она была прилично поддатая, и, скорее всего, там было что-то еще, ты понимаешь. Я вообще тогда не догадывалась про это «еще»! Я и не знала, что это бывает – вернее, как это бывает. Нет, слышала, конечно, это страшное слово – «наркотики». Но чтобы рядом со мной? Моя подруга? Нет, невозможно.

Я так осуждала ее тогда – добровольно уйти из жизни, имея ребенка, к тому же больного ребенка. Как это возможно, как она могла?

Могла. Потому что ей было так тяжело, так страшно, так невыносимо жить, что она просто не справилась. А кто бы справился, господи? В двадцать-то с небольшим и безо всякой поддержки? Мы с тобой не в счет, это надо признать. Ты уже наполовину жила в Питере, я была вся в себе, в своих проблемах и бедах. Дядя Боря – ну о чем тут вообще? Смешно. Только собирался выдохнуть – вырастил девку один, без матери, поднял вроде бы. И тут такое! Рожает, идиотка, больного ребенка от заезжего козла и пьяницы, да еще, как оказалось, от наркомана. И мотается, как дура, за этим уродом по городам и весям, пьет вместе с ним.

После похорон он сказал мне, что про наркотики ничего не знал. Не знаю, правда ли это. Все может быть. Мы ведь тоже не знали. А даже если бы и знал! Он ведь тогда только женился, помнишь? Вроде нормальная тетка попалась. Он тоже намаялся – легко ли ему было? Вот-вот. А тут Ганка, больной внук. Понятно, что его жена воспротивилась – на черта ей все это? Сначала неуправляемая падчерица, потом этот несчастный ребенок.

Нет, правда, разве на такое она шла? Нет. Шла она на спокойную пенсионерскую семейную жизнь – дачка, огородик, покой. Кто ее осудит? Ее можно понять.

На кого рассчитывала наша бедная Ганка? Сама ведь росла без матери. Значит, на нас с тобой, самых близких друзей. Больше не на кого – самые близкие и самые родные. А мы?

Дядю Борю и его жену нельзя осуждать за то, что они отдали мальчика. Их можно понять. Они бы его не подняли.

В детском доме у Ганкиного сына я была три раза. На третий мне сказали, что он усыновлен. И честно говоря, я успокоилась – просто выдохнула, честно. Какая ноша с плеч, какое облегчение! Значит, с меня это снято, ура.

Адреса усыновителей, конечно, не дали – их никогда не дают. Я пыталась выяснить, как он и что. А тетка та, в комитете по усыновлению, смотрела на меня как-то странно, с осуждением, что ли? Уж точно с недобрым прищуром. А потом и выдала:

– Ну если вас так волновала его судьба, Александра Сергеевна, что же вы, дорогая? Вы ведь замужем, так? Сама уже мать. Могли бы взять ребенка-то вашей, как вы говорите, лучшей подруги! Сестры – как вы говорили!

Я тогда и сдулась. Окончательно сдулась. Противно было и стыдно.

Действительно, все это выглядело неважно. Две лучшие подруги, здоровые и крепкие женщины, а испугались.

Но я не могла. Не могла решиться. К тому же я была почти уверена, что Миша никогда не согласится на это. А я сидела дома, с Аськой. Не работала – кормильцем был он. Впрочем, каким там кормильцем? Смешно. Мы всегда считали копейки.

Но я его так и не спросила – мучилась, мучилась, страдала, не спала по ночам, а не спросила! Когда рассказала ему про усыновление, он сказал: «Надо нам было его забрать, Аля. Все-таки он тебе не чужой». Вот так, Сонь. Плохо я о нем думала, о Мише. А зря. Потом, при разводе, выяснилось, что зря. Повел он себя благородно, помнишь? С неверными женами так благородно не поступают.

Но, знаешь ли, одно дело мучиться, а другое – решиться и сделать.

А я не сделала, не смогла. Еще часто думала. А Ганка? Ну, если бы зеркальная история, наоборот? Меня бы не стало, а Ганка осталась на этом недобром свете? И знаешь, я почти уверена – нет, не почти, – наверняка! Ганка бы забрала мою Аську, точно тебе говорю.

А ты? Ты об этом не думала? Наверное, нет. Ты была уже далеко, в Питере. А когда уезжаешь куда-то, строишь новую жизнь, все видится немного не так, немного по-другому, верно?

А я была рядом. Каждый день проходила по нашему двору, мимо ее подъезда. Вот так.

Спустя много лет мне показалось, что я встретила Ганкиного гитариста – а может, ошиблась. Очень, очень похож. Хотя он был красавцем, а стал каким-то хануриком. По-прежнему волосатый, правда, теперь абсолютно седой –

неровные и неряшливые патлы, которые ужасно выглядели на немолодом человеке. Старые рваные джинсы, потертая, грязная, засаленная куртешка. Жуткие остроносые башмаки из восьмидесятых годов, типа ковбойских сапог. Музыканты носят такие, мне кажется. И глаза – вымершие, тусклые, без толики эмоций и каких-либо мыслей. Пустые глаза пропойцы и наркомана. Хотя странно, он выжил? Несмотря на все? Чудно. А может, это был и не он, я точно ведь не уверена. Может, просто похож.

Вспоминает ли он – хоть иногда, – что его любила прекрасная рыжеволосая женщина, родившая ему сына и покончившая с собой из-за этой любви в самом расцвете лет?

Вряд ли.

А ведь мы могли ее остановить, Соня! Вылечить, образумить, уговорить – ну, я не знаю... Поддержать как-нибудь.

Если бы мы знали... Но каждый из нас жил своей жизнью. Нет, наверное, это нормально. Каждый отвечает за себя – ты права, как всегда, ты права, Соня.

Да! Недавно, кстати, звонил Галкин, мой бывший, ты представляешь? Я и сама обалдела! Сто лет не слышались, а тут! У него все в порядке, он в Мюнхене, я тебе говорила. Работает в какой-то энергетической компании старшим инженером. Зарабатывает прилично, по его же словам. Имеет дом, родил двух дочек. Посетовал: «У меня одни девки, Аля!» Дочки удачные, обе студентки. Не замужем, у них рано не выходят – его слова. Типа, надо встать на ноги, окончить вуз, найти хорошую работу, купить квартиру. А уж потом... Это, конечно, намек на Аську – выскочила замуж «чуть свет», тут же родила одного, потом второго. Институт бросила, работы нет – куда уж, с двумя-то детьми! Сидит на голове у матери, в жутких условиях. Ну и кому хорошо?

Он прав, Соня. Конечно, он прав. Кажется, она повторяет мою судьбу – судьбу неудачницы. Карма матери – кажется, так сейчас говорят? Миша прав. Бросить институт – какая глупость! Никогда этого ей не прощу. Идиотка. Как можно сейчас без высшего, а, в наше-то время? Точнее – не в наше. Нашим я его не считаю. А ты? Так вот, опять я о своих баранах. Вот бросит ее этот, с позволения сказать, муж, мой нелюбимый зятек. И что? Куда она пойдет? Опять ко мне на шею? Сколько я смогу тянуть этот воз?

Ну вот и что получилось – я вырастила полную дуру (потому что без Миши), а его дочки – умницы и красавицы, видимо, потому, что без меня, не я их растила.

Видишь, чувство юмора еще не утрачено, да?

Но Миша прав! Хотя кто знает, как на самом деле? Никогда он не признает, что у него что-то не получилось, это понятно. Внуками он интересовался мало и вяло – что ж, и это понятно. Кто они ему? Так, чужие дети. Кстати! Уехав, он быстро забыл и об Асе, родной дочери. А как ее обожал, а? Ты помнишь, каким он был отцом? Трепет сплошной, а не отец. И на? тебе.

Это ровно то, что я тебе говорила: уезжая далеко и надолго, в данном случае навсегда, человек забывает свою прежнюю жизнь. Или очень стремится забыть. И правильно, так ему легче. Легче вливаться в новую жизнь, оставив на обочине чемодан со старой, уже прошлой, ненужной и неинтересной.

В общем, я порадовалась за него. Звонил он из Казани – там какие-то дела по работе, командировка. Сказал, что непременно заедет в Москву – повидать Асю и внуков. «И тебя». Это он мне, представляешь? «Очень хочу увидеть тебя, Аля! Пойдем куда-нибудь, посидим. Найди какой-нибудь приличный и дорогой ресторан, ок?»

Ок, ок, непременно приличный и дорогой, а как же? А в другие мы и не суемся, как ты понимаешь! Мы – и не в дорогой? Не, мы так не привыкли! Обидно даже! Мы ж только к дорогим приноровились, правда ведь? Что нам дешевый?

Нет уж, спасибо. Премного вам благодарны, но нет! Да и зачем? Кто мы друг другу? Бывшие супруги, ну и что? Короткий брак, пусть и есть общая дочь. И что? Все давно позабыто и поросло травой. Нет, кустарником – колючим, шипастым, густым, непроходимым. Да и показываться ему неохота – ничего хорошего он не увидит, увы. Располневшая и постаревшая тетка. Ну, может, порадует: «Вот, Аля! Не ушла бы, не бросила хорошего мужа, жила бы сейчас, дура, в Европе, в собственном доме, с вечнозеленым газоном». А что, красота!

Так вот. Ни в какую Москву он не приехал. И на фиг ему не нужна моя Ася и мои внуки. Правда, позвонил и попросил номер карты – перевести детям деньги. Ну и перевел. Сонь! Знаешь, было такое желание отправить ему назад. Обрато. Честно! Веришь? И это при нашем скромном доходе! Но удержалась. В конце

концов, деньги эти не мне – детям. Теме и Лизоньке.

А сколько там было? Стыдно писать. Сто евро, Сонь! Честное слово! За все эти годы – надо пересчитать – сто жалких евро на двоих. Теме и Лизе. Нет, на троих – еще Асе.

А ведь он не был жадным.

Да черт с ним! Не о ком говорить – чести много.

Хотя чем он виноват? Да ничем. Это я плохо с ним обошлась, я ушла от него. Да и как – оборвала все махом, одним днем! А он умолял одуматься, обождать – вдруг пройдет? «У тебя, Аля, затмение. А затмение быстро проходит».

А я? Вычеркнула его из жизни – как не было. Хорошо? Выперла его в один день.

Ты мне тогда говорила – я помню: «Да не жалеешь ты его! И вообще их не жалеешь, не стоят они того. Ведь они нас бросают, как собак у магазина – привяжут за шею веревкой, и тю-тю, поминай как звали. А собака рвется, воет, веревка режет шею, рвет кожу. Но еще долго не может отвязаться – веревка уже горло перетерла, а все никак не порвется».

Я жалела Мишу, маялась чувством вины – за что так с хорошим и приличным человеком? Правда, недолго, если по-честному. Совсем было не до него.

Снесло мне тогда крышу. Снесло. Начисто и бесповоротно. И не жалела ни о чем, ну ни капельки! Правду говорят – если уж бабу несет, то она все сметает на своем пути. Вот я и сметала – без сожаления, без раздумий, без раскаяния. И без головы. Потому что влюбилась. И что? Ничего не получилось – ни там, ни тут. Правды ради, во втором моем браке хотя бы было счастье – пусть кратковременное, пусть. И радость была. И, ты помнишь, мы тогда с Васильевым приехали в Питер – я не ходила, а летала, ноги земли не касались, крылья вместо рук. Было. Но – коротко, три года всего, да. Коротко, правда? А потом появилась Линка. Дитя любви. Моей любви – Васильев тогда уже подостыл. А потом... Господи, не приведи. Как я его ревновала, как сходила с ума! В реку хотела броситься, честно. Вот дура, да, Сонь? Тебе говорить стеснялась – знала, что поднимешь меня на смех.

Ладно, и это проехали – что теперь вспоминать? Было и было. Счастье и горе – все как у всех.

Кстати, Линка папашу своего обожает – ну, я тебе говорила! Это я у нее неудачница, а он-то герой! И небеден, и успешен. И такая маши-и-ина! И жена молодая – в рот ему смотрит. И Линка тоже ему в рот смотрит. Линка, которая всех высмеивает, презирует и ненавидит – ну мне так кажется.

Хотя надо же кем-то восхищаться, правда, кого-то любить? Иначе – как? Как, Сонь? Иначе невыносимо.

Как мне жалко их, моих девок! Ночами не сплю, думаю, думаю. И ничем им помочь не могу. Да они сами не очень хотят моей помощи. Нет, Ася, конечно, не против – только не против чего? Вот именно. Не против помощи с детьми – это пожалуйста. Тема на мне – целиком, ну, ты уже поняла. Ну и Лизонька частенько. Нет, я все понимаю – ей трудно, двое детей и условия проживания, если по-честному, невыносимые.

Вот думаю: свалит этот милый Денчик – она его так называет – и не появится больше. Дети ему до фонаря, поверь. И останется моя Аська одна. Кому она нужна с двумя детьми, если родному папаше они не нужны? Станный народ – мужики. Ладно, ты охладел к женщине, допускаю. Сама разлюбляла и уходила. Бывает. Но дети? Как можно разлюбить родных детей? Как можно забыть о них? Не понимаю. И никогда не пойму. Как, Сонь? Я вижу, что он стал к ним равнодушен. Не только Аська его раздражает, но и они. Вот так.

Я его никогда не любила – ты, наверное, помнишь. Почему? Да не знаю. Чувствовала, что ли? Или предчувствовала, так будет точнее. А вот почему – не пойму. Вроде все у них было нормально. К Аське он относился прилично, к Темочке – тоже. А потом все пошло-поехало. А уж когда родилась Лизонька, тут все окончательно рухнуло.

Скажу тебе честно, я отговаривала Аську рожать второго ребенка. Опять же почему – объяснить не могу. Снова предчувствие. А она – нет, и все! «Как можно, мама, сделать аборт от законного мужа?» Для них это сейчас преступление. Наверное, правы. Это мы, дурочки, бегали по этим делам, и ничего, живы остались и убийцами себя не считали, правда ведь? Это, конечно, неправильно. Но для нас это было плевое дело, если по правде. Мы тут же забывали об этом. А

сейчас – нет. Убийство, тяжкий грех, не отмолить. Видимо, да. Вот поэтому наше поколение, в смысле, женщины, такое несчастливое. Переломанные какие-то судьбы, правда? Разводы, разводы, аборты. Знаешь, что я тут придумала? Семья – это дом терпимости, в прямом и переносном смысле! Как тебе, а? По-моему, здорово. Лямка, короче. Немного я видела удачливых и счастливых, ей-богу. Вот и Аську мою счастливой не назовешь.

Я даже хотела за этим Денчиком, чтоб ему, проследить. А потом остановилась – зачем? Предъявить фото Аське и стать ее главным врагом? Или подтолкнуть ее к разводу? Глупо. А вдруг еще все образуется? Ну бывает же такое, правда? Расстанется он с той бабой и вернется в семью. Бывают же случаи? И будут они снова радостны и счастливы.

Я вспоминала тут, как рассуждала в молодости о детях. Что ты говорила. Ты ведь была, Сонь, как говорят сейчас, – чайлд-фри. Раньше я и думать об этом не думала, неприлично. А сейчас... Ладно, не будем. И вправду мне неприлично! Это же живые люди и мои дети! А я про чайлд-фри.

Я вообще очень часто стала вспоминать твои перлы. Например, о мужиках. Мужики, по твоим, дорогая, словам, должны приносить пользу и украшать жизнь. Облегчать ее, а не усложнять. Мужчина должен быть или богатым, или веселым, или для плотских утех и радостей – точно цитирую, а? Ну а если всем вместе, то вообще красота, считай, что тебе повезло.

Сонь, а ведь мне не повезло ни разу, представляешь? Вот, например, Миша, мой первый муж, – скучный, хоть и крайне приличный человек. Богатый? Смешно, простой инженер. Веселый? Ни-ни. Скучный и занудный. Для плотских утех? Ну не знаю. Со мной – нет, точно. Правда, я его не любила.

Второй мой, Васильев. Богатый? Теперь вполне. А пока жил со мной, точно нет. Веселый? Ну, так, бывало, не скрою. Для тех же утех? Было дело. Но как-то все быстро закончилось.

А Понаевский? Ну что я тогда, в свои девятнадцать, соображала? Смешно! Богатым он не был. Веселым? Нет, тоже не был. Остроумным – да, но не веселым. Скорее желчным, циничным. И юмор его был какой-то злой, что ли, недобрый.

А что касаясь секса... Первый мужчина. Тогда мне казалось, что он – бог. Во всем. Неподражаем, тоже во всем. А потом, спустя годы, поняла: а ничего в нем особенного не было. Абсолютно. Среднестатистический такой мужичонка за тридцать, обычный такой препод. И внешне обычный, и изнутри. Было бы мне лет двадцать шесть, например, прошла бы мимо, честно! Не обернулась. А ведь как любила, а? Как сходила с ума! А как ревновала? Губы в кровь. Как мечтала о нем, жену его ненавидела. А за что? Сама не пойму. Но ненавидела точно, даже смерти ей желала. Как тебе, а? Вот помрет – и это чудо достанется мне в безраздельное пользование. О господи, какие же мы, бабы, дуры! И за Мишку несчастного выскочила, вылетела в момент, в секунду, как пробка из бутылки с шампанским. Бежала от своей несчастной любви. Тоже, кстати, не подумав ни разу.

Вот так, Сонь. Такие итоги, можно сказать. А жизнь-то уже за спиной. И если прикинуть, то счастливого – или даже хорошего – в ней было немного.

Три главных мужчины в моей жизни – любовник и два законных мужа. С Понаевским я встречалась четыре года, почти четыре. С Мишей прожила около семи лет. И с Васильевым в сумме восемь лет. Хотя последние года четыре это уже была не жизнь, а сплошная мука. А я все цеплялась, надеялась. И в тридцать шесть родила Линку. А в тридцать девять с ним развелась. И ведь понимала, что ребенок наш брак не спасет! И что в итоге? А вот что – сколько дней за эти девятнадцать лет я была счастлива? Я призадумалась. Нет, точно, конечно, не сосчитать. Так, приблизительно. А приблизительно получилось... Сонь! Ты будешь смеяться, а я, наверное, плакать. Так вот, в общей сложности год. Год, не больше! Ну хорошо, полтора, если по дням. Как тебе эта статистика? Каков результат?

Вот итог моей личной, женской, так сказать, жизни. Грустно, правда?

И вот сейчас, например. Если бы случилось что-то. Шансов, конечно, почти ноль, но вдруг, случайно, я встречу мужчину. Так вот, Сонь! Нет и еще раз нет! И дело даже не в том, что у меня кошмарная ситуация дома – не в маме дело, не в девках моих и не во внуках. А дело, подруга, во мне! У меня эта ситуация вызвала бы только страх.

Я поняла, что не хочу этого, совсем не хочу. Боюсь? Возможно. Только, скорее всего, себя. Но больше, чем боюсь, я не хочу! Веришь? Нет, ты, скорее всего, мне не веришь – думаешь, что кокетничаю. Нет, Соня, нет! Где я и где кокетство? Так

вот, мне не надо. Ничего из этого набора – ни прогулок вдоль набережной, ни посиделок в кафе, ни совместных поездок. Подарков не надо, потому что отвыкла, буду считать себя обязанной. Дура, да? Ага. И секса не надо – увы. Даже в варианте облегченном, варианте лайт. Потому что смешно это в нашем возрасте. Ладно с родимым мужем – здесь все понятно. С ним прожита жизнь. И ему наплевать на твои растяжки, складки, животик и дряблые ляжки. Он привык к тебе, и ты привыкла к нему. Да страшно представить – проснуться утром с чужим мужиком! Наверное, это мои страшные комплексы. Да. И он – вижу, как ты засмеялась, – давно не молод и не свеж: зачесанная, плохо прикрытая лысина и тоже живот. Руки дряблые, второй подбородок. Но у мужиков комплексов куда меньше, мне так кажется. Знают ведь, что возраст им не помеха. Самый лежалый товар и то в ходу. И эти, с пузами и мешками под глазами, все равно могут рассчитывать на молодуху или приличную женщину средних лет. А я уже «не средних», Соня. Про тебя я не говорю, ты не в счет! Ты другая. Не такая, как все. Ты не жила в «доме терпимости».

А нам, теткам за пятьдесят, что остается? И кто? Те, кому за семьдесят? И на фига? А приличные и молодые – это уже не про нас, Сонечка! Я права? Нет, есть бабы, конечно. Красотки! И в нашем, не юном возрасте есть! Ну тут надо иметь и деньги, и время, и желание. Это главное! Все эти косметички, массажисты, хирурги – это не про меня, как ты понимаешь.

А те, которые с молодыми парнями? А? Ну этих я вообще не пойму – смелые, правда? И совсем нестеснительные. Есть у нас в подъезде одна такая. Красивая, не спорю. Все при ней – и фигура, и ноги. Ухоженная – как отполированное палехское яичко, аж блестит. Ну и модная, разумеется, – такие шубки, такие сапожки! Мечта. Волосы распускает, как девочка. Издали можно дать даже тридцать, ей-богу! Разведена, зарабатывает сама – кажется, у нее магазин белья, точно не помню. Да какая разница. Так вот, ходит к ней мальчик. Ей-богу, мальчик, без преувеличений, лет двадцать пять. Хорошенький такой, смазливый, накачанный, фигуристый. Ходит раза два в неделю. Рано утром уходит – я часто еду с ним в лифте. И знаешь, самое смешное, что сынок этот еле стоит на ногах, представляешь? Как будто вагоны разгружал, как тебе? Бледненький, осунувшийся, с синяками под глазами. Зевает. Уделала его моя соседка! Весело, а? Еле сдерживаюсь от смеха, ей-богу. Но в то же время смотрю на него материнским оком и очень жалею. Бедный мальчик, как же тебя угораздило?

Да ладно, это его выбор, в конце концов.

Так что вот, Соня! Молодец эта тетка! Я искренне восхищаюсь. Но не завидую. И еще думаю – да слава богу, что мне это не нужно. Что нет у меня на это сил – на свидания, на уход за собой, на разговоры, на что-то новое. Я просто счастлива, веришь? И друга душевного мне не надо. А ну их, друзей! У меня есть ты, есть мои девочки на работе. Мама. Могу сесть и поплакать рядом. Взять ее за руку. Пусть она ничего не поймет! Главное, что я могу это сделать. В конце концов, есть мои девки! Правда, надежды на них никакой. Но может быть, только пока? Я все еще верю, надеюсь.

А мужчина? Это его придется жалеть и поддерживать! А сил нет и желания тоже. Вот так, Соня. Отказалась бы, честно. Даже от самого приличного бы отказалась. Я писала тебе о своей мечте: домик у моря и – покой, тишина. Вот оно, счастье! Мое придуманное и намечтанное счастье, моя мечта!

Вижу, как ты усмехаешься. Постарела я, да? Сама знаю. В общем, укатали сивку крутые горки. Итог – год счастья со всеми моими мужчинами и еще меньше – с детьми. С ними всегда было больше тревог и волнений, чем счастья и радости. Всегда тревоги и волнения перекрывали, всегда.

Ладно, оставим эту грустную тему.

О другом. Очень хочу взять Темочку и поехать с ним в наш старый двор – такая вот у меня скромная мечта. Скромная и исполнимая. Но все никак, все не получается – такая малость, а не получается. Ничего у меня не получается, Соня! То я валяюсь с ног, то дела. То он простужен, то с мамой плохо. Но доберусь. Обещаю себе и тебе – доберусь!

Смотрела тут наши фотографии. Ты, Ганка, я... Школа, двор. Хорошенькие, молодые. Глаза такие... Живые глаза. Полные надежд. Свои свадебные смотрела. У Ганки свадьбы не случилось. Ты сама от этого отказалась.

Но на моей вы были – такие красавицы! Ну и я ничего. Невесте положено. Попались и наши общие с тобой, курортные. Помнишь Ялту? Аська крошечная совсем – ты держишь ее на руках. Она, как всегда, ревет, мордочка перекошенная. Чего ревет? Не помню, конечно. Она часто плакала. А ты ее утешаешь. Миша рядом – смешной, тощий, костлявый, коленки вперед.

И все-таки хорошо там было, да, Сонь? Помнишь, как мы воровали у хозяйки инжир? А Миша орал, что мы попадемся. Нервничал страшно. Впрочем, он всегда нервничал страшно. Ну и Аська в него. А вино помнишь? Темное, цвета граната. Вязкое – язык обжигало. Сладкое. Из молочных бутылок. И горячие хачапури – ох, как же вкусно! Вот и начало меня там разносить. Тебе-то и Мишке хоть бы что, все по барабану. Конституция. Нет, правда, счастье! Счастье сохранить свой размер – ешь не хочу. Мне, правда, тоже давно наплевать, если честно. Хочу и ем, много у меня радостей, что ли? Но тебе повезло – знай это, Соня! Как ты влезла в выпускное платье в сорок восемь, а? Я и говорю, ты счастливица.

Вот поставить нас рядом – ты и я. Про себя не хочу. И так все понятно. А ты? Та же фигура. Те же ноги. Те же волосы – густые, блестящие, с отливом, антрацит. Грудь – молодые позавидуют.

Выходит, ты все сделала правильно – и что замуж не хотела и не пошла, и что не родила, и что жила для себя, и что сейчас живешь для себя. Умница ты. Признаю.

Ладно, разнылась опять. Извини. Зато полностью удовлетворила свои графоманские потребности. Уж прости, что ты попалась под руку! Терпи, подруга! Вроде не так часто я тебя достаю.

Да и вообще – вот что у меня плохого, а? Руки, ноги работают, голова на месте. Мама жива, девки здоровы. Внуки прекрасные. Чудные внуки, сплошная радость. Квартира своя, дом приличный, соседи чудесные. Работа. Отличная работа, между прочим! А коллеги? Да мечтать о таких! И в кафе позволяю себе сходить иногда. С девочками с работы в «Му-му», например. А с Темочкой мороженое поесть или пиццу где-нибудь в торговом центре. Ну чем не жизнь? А я все ною! Прости. Все, взяла себя в руки и – радуюсь!

Ну а теперь, Соня, о главном. Просто боялась начать разговор... Сонечка! Ничего у меня не получится с отпуском, прости, прости! Ничего. Нет, я честно копила, поверь, как ты учила. Откладывала, собирала. И даже накопила немного – сама от себя не ожидала. Но... То Линке был нужен срочно новый планшет, то Темочке курточка, то Асе сапоги, то маме платный врач. В общем, тью-тью мои денежки! Да и фиг с ними – переживу. Ну не увижу я твою любимую Грецию в этом году. Начну копить на следующий год – честное слово, клянусь! Так что прости, Сонька, прости! Прости, что срываю твои планы, что снова я дуреха, тетеха.

Повинную голову меч не сечет, а? Ну, Сонь?

А может, ты к нам? Ну хоть на недельку? Нет, я все понимаю – у нас, в этом бардаке, тебе нельзя, ни в коем случае! Но знаешь, рядом с нами есть маленькая гостиничка, отельчик такой частный. Номеров пять, не больше, я знаю. Аккуратненький такой, симпатичный. Минут двадцать ходьбы от моего дома. И стоит недорого, честно, тебе по карману. В моем дурдоме мы сидеть не будем, будем сидеть у тебя. Съездим в наш двор, к Ганке на кладбище – три года ведь не были.

В театр ходим, а? Хотя вас, питерцев, театром не заманить. Да просто пошляемся по Москве, вспомним наши любимые места – Маросейку, сад Эрмитаж, Замоскворечье. В парк Горького ходим – из него, говорят, сделали немыслимую красоту. Вспомним, как там на катке рассекали! На Воробьевых горах посидим – на нашей лавочке, на обрыве. Да просто будем сидеть у тебя в номере и трепаться. Трепаться до бесконечности, а? Вот счастье! Нет, правда, Сонька! Давай, а? Раз с Грецией не получилось? Да и я вырваться к тебе не могу – мама, ты понимаешь. На девок оставить ее не получится.

Сонька! Мы ведь три года не виделись! Почти три года. Страшно! Да-да, я посчитала. Ты была у нас ровно три года назад, Темочке тогда исполнился годик.

Соня, родная, приезжай! Очень тебя прошу, умоляю! Что тебе стоит? Ты ведь свободна. Раз – и ты здесь! На «Сапсане»! Одно удовольствие, правда? Обещаю, грузить тебя не стану, честное слово! И ныть тоже не стану, клянусь. Будем просто гулять и болтать, всё.

А к тебе в Питер я подошлю свою Аську – если ты, конечно, не против. На дня два-три, не больше, больше и я не справлюсь сама, с двумя-то детьми. Она тихая, моя Аська, ты знаешь – молчаливая и неприхотливая, это не Линка. Вот ту бы не отправила к тебе никогда, постеснялась бы просто.

Погуляла бы наша Аська по Питеру, зашла бы в Русский. С тобой, умницей, пообщалась бы. Вот ты бы ума ей вложила, не то что я, родная мать. Да и кто меня, неудачницу, послушает? Уж точно не мои близкие. В своем отечестве пророков, как известно, не бывает.

Подумай, Сонечка! Если тебе это не в тягость, я бы была счастлива, да и Ася тоже – ей ведь так трудно сейчас, с этим Денисом.

Все, закругляюсь, и так тебе досталось, родная.

Соня! Кто у нас остался из той жизни? Все мы родом из детства, правда? И ничего дороже детской дружбы нет. Ты со мной согласна? Лично я в этом уверена. И никого у меня ближе, чем ты, нет. Самая родная и самая близкая.

Кстати, почему ты не отвечаешь на мои звонки? Почему не берешь трубку? Неохота болтать? Это я могу понять, Сонь. Я и сама так частенько делаю – ни сил нет, ни настроения. Знаю. Но все-таки, Соня! Ты хотя бы ответь эсэмэской, прошу тебя! Два слова – «жива, здорова». Все! Мне будет достаточно. А то я не знаю, что и думать. Ты не в обиде на меня, Соня?

Ты сама спровоцировала эту мою писанину. Поговорили бы по телефону, и я бы, глядишь, успокоилась, угомонилась. А так – развела на десять листов. В общем, ты сама виновата.

Шутка, конечно! И еще – оправдание.

Все, заканчиваю! Даже проститься не могу в три слова – говорю ж тебе, графоман.

Люблю тебя и очень нуждаюсь в тебе.

Твоя Аля.

Жду пару слов. Обнимаю тебя. И очень скучаю».

Женщина нажала клавишу и выключила ноутбук. Пару секунд монитор еще светился, но понемногу гас, пока не погас совсем.

Она подошла к окну. Было темно. На настенных часах – полшестого утра. Совсем рано. Какое счастье, что не надо спешить. Уже никуда не надо спешить.

Она может позволить себе бухнуться в постель, завернуться в одеяло и уснуть. Счастье. Счастье, что не надо спешить на работу. Счастье проснуться тогда, когда хочется – можно в десять, а можно в одиннадцать. Сколько счастья, господи! Счастье сесть у окна в своей уютной кухне и долго пить вкусный кофе, листая журнал. А потом, спустя час или больше, снова улечься в постель, смотреть фильмы, читать. И снова уснуть. Или пойти на прогулку – в магазин, на рынок, куда угодно! Деньги, слава богу, есть. Есть счет в банке. Не то чтобы большой, нет! Но дающий уверенность, что, если, не дай бог, она точно не пропадет.

Она прошлась по своей квартире, которую обожала – все здесь сделано так, как хотела она. Да, квартирka небольшая, что говорить. А зачем ей большая? Больше уборки.

Ей хватает – она одна. Две комнатки – совсем маленькие, гостиная и спальня – что еще надо? Да и район – она бы ни за что не поменяла свою малышку в тридцать пять метров на большую, а могла бы, желающих море! Еще бы – квартирka ее, на минуточку, расположена в самом центре, на Марата. И окна во двор. Тишина и покой. И в двух шагах Невский.

На кухне она попила воды и снова постояла у окна – минут пять, не больше. Замерзла.

Она громко вздохнула и пошла в спальню.

На кровати – темное дерево, резная спинка, начало двадцатого века, модерн, арт-деко, – широко раскинувшись, спал молодой мужчина. Уличный фонарь освещал его красивую, мощную, гладкую спину.

Женщина пару минут смотрела на эту прекрасную спину, откинула край одеяла и осторожно прилегла с краю, с самого краю. «Не упасть бы», – подумала она и погладила мужчину по коротко стриженному затылку. Тот не шелохнулся – молодые спят крепко.

– Эй! – тихо засмеялась она и мягко уткнулась в его гладкое плечо. – Я сейчас упаду. Ты бы подвинулся, милый!

Он вздрогнул и через пару секунд повернулся – на лице его читалось недоумение.

– Спи, спи! – прошептала она. – Только подвинься чуток, пока я не свалилась.

До него наконец дошло, и он улыбнулся. Пару минут он изучал лицо женщины и, окончательно проснувшись, зевнул и спросил:

– Сколько времени, Сонь? Мне не пора?

– Половина шестого, – отозвалась она, пристраиваясь у него под мышкой и сладко вздыхая запах мужчины. – Половина шестого, милый! Еще можно поспать.

– Нет уж! – засмеялся мужчина и развернулся всем телом к ней. – Нет уж, прости!

И она звонко, по-девичьи, рассмеялась:

– Прощаю.

Он обнял ее и наклонился, отбросив рукой ее тяжелые волосы.

Она, что-то вспомнив, мягко его отстранила:

– Эй, подожди!

Он мотнул головой:

– Не хочу!

– Подожди, – нахмурившись, строго приказала она. – Я тебе скажу кое-что важное.

Он приподнялся на руках, по-прежнему нависая над ней.

– Теща твоя... – Соня осеклась на секунду. – В общем, она отказалась. От отпуска отказалась, от Греции, в смысле. Ну, дошло до тебя?

Он кивнул.

– Так вот, – с воодушевлением продолжила она, – может быть, ты со мной? Раз место под солнцем свободно? – И она рассмеялась удачной шутке.

Мужчина снова наклонился, покрепче прижал ее к себе, уткнулся ей в шею и, вздрогнув, жарко шепнул, обдавая ее кожу горячим, нетерпеливым, молодым дыханием:

– С тобой – куда угодно! Хоть в рай, хоть в ад, куда позовешь!

Она чуть изогнулась, подлаживаясь под мужчину, плотно прижалась к нему, прищурила глаза и прошептала:

– Возьму. Так уж и быть, позову! – И засмеялась: – Если заслужишь!

За окном медленно и лениво наплывал слабый рассвет.

Кто-то еще крепко спал, а кто-то уже торопился. Кто-то плакал, а кто-то смеялся. Кто-то мучил кого-то, а кто-то кого-то обнимал. Кто-то был счастлив, а кто-то страдал.

Кого-то мучила совесть. Ну а кого-то – нет. Все как обычно у нас, живых и грешных людей.

Цветы и птицы

Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно – и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха – пережидала. Знала, подруга

накричится и успокоится. Так бывало всегда.

Однако сегодня Каринку несло.

- Слушаешь? - периодически сурово уточняла она.

Анна торопливо отвечала:

- Да-да, конечно! А что же я делаю, по-твоему, господи?

Карина недоверчиво усмехалась:

- С тебя станется!

Анна слушала. Разумеется, слушала. Морщилась, кривилась, но слушала. И понимала - подруга права.

Наконец та замолчала, громко выдохнула и произнесла последнее:

- Ну? Какие действия?

Каринка была человеком действий, кто спорит? А Анна... Анна уж точно таким человеком не была.

- Ну... А каких действий ты, собственно, ждешь? - И торопливо, боясь гнева подруги, добавила: - Нет-нет! Я поняла! Ты, конечно, права! Только... Мне надо подумать.

Каринка опять взорвалась:

- Подумать? Ну да, разумеется! У тебя же совсем не было времени, чтобы подумать! Ты же так занята, правда? Спасибо, что хоть на этот разговор время нашла!

Анна пыталась подругу остановить, понимая, что это труд напрасный и пока Каринка не выскажется, не замолчит.

И все же примирительно сказала:

– Кар, да я все поняла, успокойся! И повторяю, ты, конечно, права. Просто... Это же такое дело... Ну как так – с обрыва? Надо прикинуть, посчитать, наконец. Дело-то очень серьезное.

Каринка перебила:

– Слушай, а у тебя вообще деньги есть? В смысле – отложены?

– Да-да! – заторопилась Анна. – Конечно, а как ты думала? Ты же знаешь меня, я осторожная и аккуратная. И еще – такая трусиха!

– Я не имею в виду деньги на твой обезжиренный кефир и на УЗИ желудка – я имею в виду деньги, Ань! Ты поняла?

Пока Анна медлила с ответом, Карина ответила сама:

– Господи, да о чем я? Что я у тебя спрашиваю? Совсем рехнулась. Какие деньги? Ну какие у тебя могут быть деньги? Нет, это я, Ань, дура, а не ты!

И она замолчала.

Анна тоже молчала, прикидывая, что тут можно ответить. Точнее – соврать.

– В общем, так! – снова вступила Карина. – Путевку я тебе оплачиваю. И никаких возражений! Ты меня знаешь, как я сказала, так и будет! Путевку оплачиваю, а уж все остальное – сама! И кстати! Путевка – это не благотворительность, это подарок на твой юбилей! Мне так проще, не надо голову ломать: раз – и все, я свободна. А, красота? – Теперь голос Карины чуть поутих, стал мягче. Она понимала, сейчас начнутся баталии.

Анна задохнулась от возмущения – ты спятила, Кар? Какие подарки, какой юбилей? Я вообще о нем не думаю, вообще забыла! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому – как я ненавижу свои дни рождения! А уж юбилеи эти... Нет, ты правда рехнулась!

– Ага, – беспечно согласилась Карина, – рехнулась. Короче – хочешь мне облегчить жизнь? Тогда – соглашайся.

И совсем умоляющим голосом добавила:

– Ань! Ну ты же знаешь – мне это вообще ничего не стоит!

Анна вспыхнула и оборвала разговор:

– Все, Кар! Ты меня услышала. Закончили, все. А над твоим предложением я подумаю, обещаю! – со смехом добавила она. – Слышишь, о-бе-ща-ю! – И положила трубку.

Обе понимали – разговор не закончен. Они слишком хорошо знали друг друга.

Анна потерла горящие от возбуждения и возмущения щеки и прошлась по комнате. Нет, Каркино предложение – что говорить? – мечта. Сказка. Но быль ли? Денег, конечно, не было. Нет, они были, но разве это деньги? Каринка права – на обезжиренный кефир и УЗИ. На другое не хватит. А уж на поездку в Италию... Смешно.

На всякий случай Анна залезла в заначку, как будто там что-то могло измениться. Сумма была ей известна до копейки. И прибавиться ничего не могло. Она быстро пересчитала жалкую пачечку долларов и вздохнула. Нет, ничего не получится. К тому же в Италии – евро, а он дороже доллара. И это означает только одно – денег еще меньше.

Она убрала деньги обратно. Нет, и думать нечего! Да и вообще – подумаешь, мечта. Мечта на то и мечта, чтобы оставаться мечтой и не делаться былью.

Анна Валентиновна Березкина, вдова пятидесяти четырех лет – через два месяца пятьдесят пять, – села в кресло и закрыла глаза.

В последнее время, а точнее в последние полгода, она была совершенно свободна. Дела закончились. Хотя, если разобраться, свободна она была всю жизнь. Но теперь это было определено и окончательно – она могла подолгу лежать на диване, сидеть в кресле, смотреть телевизор, читать журнал или

книгу. Подолгу пить чай и смотреть старые фото. Болтать по телефону. Правда, болтать было особенно не с кем, да и, честно говоря, неохота. Только с Каринкой. Но это уже судьба. Короче, она могла вообще ничего не делать.

Она могла не готовить обед и ужин, а также завтрак. Могла не варить бесконечный кофе и заваривать крепкий чай. Могла не мыть кисти, не складывать подрамник и краски. А еще не звонить заказчикам и галеристам. Не гладить рубашки и брюки. Не вытирать бесконечно, по сто раз на дню, пыль – в доме больше не было аллергиков.

В доме вообще больше никого не было. Кроме нее, Анны Валентиновны. Потому что ее муж, Игорь Березкин, умер, и она стала вдовой. Потому что закончилась старая жизнь и началась новая. Анна Березкина осталась абсолютно одна. Одна на всем белом свете – Каринка не в счет. Ни родителей, ни детей у Анны Березкиной не было. Да и с родней было не очень – хотя, может, это и хорошо?

Анна Березкина всегда принимала действительность так, как ее преподносила судьба. И никогда не роптала. Никогда. Ни разу в жизни. И даже наоборот – считала себя счастливым человеком.

Вот уж воистину – прекрасное свойство природы! И вправду счастливая – ни на кого не обижена и за все благодарна. Счастливица, верно?

Нет, разумеется, она не воспринимала уход мужа как счастье – господи, да о чем вы? Это было огромное, бесконечное и безбрежное горе – столько лет вместе, вся жизнь. Вся ее жизнь – это Игорь Березкин. Которому верой и правдой она прослужила тридцать четыре года.

Всю жизнь она жила во имя. Ради. Для. Для него, во имя него, ради него. Он был талант. Большой талант. Большой и, кстати, всеми признанный – что тоже не пустяки.

Анна была «при». При великом муже. Тень, дух, отсвет, отражение, отблеск. Была почти бесплотна и даже гордилась этим. Двух гениев в одной семье не бывает! Эта фраза стала ее лозунгом, идеей фикс, девизом и смыслом жизни – служить гениальному мужу. Служила она ему верно и рьяно. С собачьей преданностью, как говорила Карина.

С его уходом Анна потеряла все. Потеряла сам смысл жизни – вот что было страшно. Она почти не выходила из дома, только в магазин за самым необходимым. Ни в театр с Кариной, ни в кино. Никуда. Никаких развлечений и увеселений. Впрочем, какие увеселения у немолодой женщины, всю жизнь живущей жизнью другого человека? Она давно отвыкла от себя и от своих желаний. После ухода Игоря, Гарика, как она его называла (по его, кстати, просьбе), Анна Валентиновна, тихая и скромная, выдержанная и невозмутимая, неконтактная, совершеннейший интроверт, совсем замкнулась в себе. Общалась только с Каринкой – ну тут уж, как говорится, распорядилась судьба. Всю жизнь рядом – вместе с детского сада до институтской скамьи и дальше. Никогда они не терялись, надолго не расставались, серьезно, до трагического разрыва, не ссорились, несмотря на категорически несхожие характеры, противоположные судьбы и вообще непохожие во всем, включая социальное и финансовое положение.

Говорят, что мужчина – это судьба в жизни женщины. Но и подруга бывает судьбой, вы уж поверьте.

Первая встреча девочек состоялась под ноябрьские праздники в детсаду «Елочка» под бравурный марш чокнутой музработницы. Нарядные дети, держась за руки, входили в актовый зал и вставали полукругом вокруг композиции, любовно составленной все той же чокнутой музработницей – искусственный венок из пластиковых листьев, почти кладбищенский, увитый алыми лентами и транспарантом «Слава КПСС! С великим праздником революции, дорогие друзья!». Дети ничего не понимали, были напуганы, сбивались с ноги, спотыкались, жались друг к другу, толкались плечами и по очереди начинали рыдать – музработницу они боялись, куплеты тут же позабыли и очень хотели к родителям, сидевшим на стульях напротив. Но никто к ним не рванул – музработница, сурово сдвинув брови, исподтишка погрозила малышне кулаком. Все кое-как разместились и недружно завывали: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Родители каменели от ужаса происходящего: пластиковый венок, криво написанный транспарант и насмерть перепуганные дети – вот уж кошмар так кошмар! Вдруг одна девочка, высокая и толстая, вырвалась из нестройных рядов запевал и бросилась к матери, такой же черноволосой, полной и яркой женщине, в крупных и длинных серьгах и красном шелковом платье. Женщина прижала девочку к груди, утерла ей слезы и, взяв за руку, резко и решительно вышла из актового зала, бросив у двери гневный и красноречивый взгляд прекрасных

горячих восточных глаз на горе-музыкантшу. Мотнув красивой головой, с возмущением произнесла:

- Господи, детям – и такую чушь! Вы совсем обалдели!

Музработник смутилась, залилась свекольной краской, и ее крупные рабочие руки повисли над клавишами. Она заморгала глупыми и блеклыми глазами:

- Что это, как? Кто посмел? Посреди праздника?

И родители, и воспитатели, и дети проводили восставших растерянными взглядами. Воцарилась тишина.

Но тут сообразительная заведующая взмахнула рукой:

- Продолжайте, Раиса Петровна, не обращайтесь внимания!

И праздник пошел своим чередом.

На следующее утро толстую чернявую девочку Аня встретила в раздевалке. Та внимательно, по-взрослому, посмотрела на заробевшую Аню и наконец со вздохом сказала:

- Ну что, будем дружить? Я Карина.

Аня захлопала глазами и тут же кивнула: она вообще не умела отказываться. Новая подруга взяла ее за руку, слегка дернула и вопросительно посмотрела на нее:

- Ну чего встала? Идем?

Анечка закивала и быстро засеменяла вслед за новой подругой. Уже тогда, в раннем детстве, она была ведомой, и эта роль ее ничуть не угнетала – каждому, как говорится, свое.

За завтраком сидели парами – мальчик с девочкой, детей рассаживали воспитатели. Но новая подруга решительно села рядом с Анечкой, отпихнув конопатого и тишайшего, влюбленного в Анечку и мгновенно заревевшего Вову Кулакова.

– Она будет сидеть со мной! – сурово объявила Карина.

Обалдевшая Анечка снова покорно кивнула. Правда, и Вовку ей было жаль. Но что поделаться? Спорить с Кариной смысла не было – в свои неполных пять лет она поняла это сразу, в ту же минуту. Поняла и усвоила навсегда. Так началась их дружба.

Кажется, хмурую и очень бойкую девочку побаивалась даже воспитательница – по крайней мере есть манную кашу Каринку не заставляли, в тихий час над ее кроватью с суровым взглядом не стояли и не заставляли Каринкину мать завязывать дочери на праздники капроновые банты – какая безвкусица, господи!

Позже выяснились подробности. Каринка жила в том же доме, что Аня. Только Аня жила давно, сто лет, с самого своего рождения, а Каринка переехала туда совсем недавно – месяц назад. Дом стоял полукругом, и оказалось, что квартиры девочек строго напротив – на пятом этаже окна Анечки, на шестом – квартиры Каринки. Окна в окна. Каждое утро, и в будние дни, и в выходные, и в праздники или в каникулы, строго соблюдался ритуал: в восемь утра – приветствие, свидание у окна. Ну а уж в дальнейшем была разработана система опознавательных знаков: три взмаха – все ок, через полчаса во дворе. Четыре – не, попозже, дела. Ну и пять – сегодня никак, увы!

Каринка жила с матерью и дедом с бабкой. Все ученые-биологи. Дед, бабка – профессора. Мама, та самая строгая, яркая и красивая женщина в крупных серьгах, Нуне Аветисовна, – тоже профессор.

Дед, Аветис Арамович, считался в семье главным. Его боялись и с ним считались. Даже суровая Нуне, его дочь, старалась с ним не связываться. А уж его жена, бабушка Каринки, Нина Константиновна, та вообще помалкивала. «В этой армянской семье я бесправна!» – восклицала она, возводя глаза к потолку.

Лет в двенадцать Каринка открыла Ане страшную тайну: «Бабка боится деда? Да ты о чем? Это она делает вид! Все делают вид – и мама, и я. А на деле – всем

заправляет бабка Нина! Крутит им, как коровьим хвостом. Уж ты мне поверь!»

Аня, привыкшая к тишине и разговорам вполголоса, вздрагивала, попав в шумный дом. Каринка смеялась: «Привыкай! Итальянский двор, а не семья – здесь говорить тихо никто не умеет. Здесь даже молчат громко! Ха-ха».

И вправду, все говорили так, что поначалу Анечка пугалась: скандал? Нет, не скандал – отношений не выясняют, просто что-то по-семейному обсуждают. А если и выясняют отношения, все равно это не скандал и не ссора – это нормально, это забота. Это любовь.

Нина Константиновна, например, всегда возмущалась: «Я, между прочим, тоже профессор и доктор наук! А вожусь целый день у плиты – подай, принеси, убери. Я не прислуга, вы меня слышите? Я – самостоятельная единица!»

«Единица! – хмыкал дед и со смешком добавлял: – Принеси-ка мне чаю! И с бутербродом. Обед у вас не дожدهшься!»

И Нина Константиновна, ворча и сетуя, тут же несла мужу чай.

Про обед это тоже вранье – обед в семье был. Всегда. И какой! В доме всегда вкусно пахло – травами, пряностями, специями, мясом и крепким бульоном.

Нуне, мать Каринки, целыми днями пропадала в университете, где преподавала. Аветис Арамович ездил в свой институт три раза в неделю – за ним приезжала «Волга» с водителем, и бабушка Нина торжественно выводила его во двор – уже тогда он страдал артритом и ходил тяжело. Нина Константиновна смахивала ладонью невидимые пылинки с черного костюма мужа и поправляла галстук. Тот раздраженно отмахивался, ворчал и гнал жену домой. Но глаза его были полны любви. А она оставалась во дворе до последнего – пока черная «Волга» не скрывалась за поворотом. Тогда она крестила вслед воздух и, тяжело вздохнув, шла к подъезду, бормоча по дороге: «Ну, слава богу! Хоть передохну пару часов».

Но отдыхать ей было некогда – хозяйство. Она бесконечно готовила, убирала, стирала и гладила. Работала она, писала статьи в научные журналы и рецензии на диссертации, по ночам, «когда все угомонились и оставили меня наконец в покое».

Каринкиного отца Аня никогда не видела. Лет в четырнадцать осмелилась спросить. В ответ услышала: «Да и я его ни разу не видела! Нет, конечно, он был, существовал – ну не от святого же духа я родилась. Только ничего у них с Нуне не получилось – даже женаты не были, насколько я знаю. Так, случайная связь. Отец для меня – дед, ты и сама знаешь. Кто он, мой отец? А черт его знает! Вроде какой-то дедов аспирант. А может, и нет. Подробностей я не знаю – эта тема в семье закрыта. Да и меня, если честно, это не особенно волнует – раз его нет в моей жизни, значит, дрянь человек. Нормальный ведь от ребенка не отказался бы, верно?»

У Ани все было по-другому. Семья была полной – и мать, и отец. Оба были людьми тихими, незаметными – инженеры-проектировщики, работали в одном КБ. Жили скромно и скучно – гости бывали редко, в отпуск ездили в пансионаты по профсоюзной путевке, радуясь дешевизне. Ну и в санатории – Ане казалось, что лечились они всегда. Нет, пару раз съездили к родне отца в Кострому – вот и все воспоминания из детства. Позже Аня поняла – и мать, и отец были людьми неинтересными и скупыми, вечно что-то откладывали, сберегали.

В семье была любимая фраза:

– Этого мы себе позволить не можем!

Произносилась она, что удивительно, с большой гордостью.

«Дорого и неразумно» было принимать гостей. Шить на Новый год новое платье ни к чему – еще и старое вполне ничего, подумаешь, праздник! Дорого ходить в театры. А уж про кафе смешно говорить! Неразумно покупать новые сапоги – старые можно снести к обувщику и поставить свежие набойки. Пальто перелицовывались, каблуки переклеивались, кипятилок в заварной чайник заливался по четыре-пять раз, до белого цвета. Скатерть штопалась, носки тоже. Из средней курицы делался скучный обед на пять дней. Бульон из костей – мясо обдиралось до крошки. А потом это мясо мелко резалось, даже крошилось, и из него мама делала второе – тушила с картошкой или рисом, все. Немного соли – вредно для здоровья – и никаких специй – у всех больные желудки.

Мама пугалась, что у дочки нет аппетита – таскала бедную заморенную и бледную девочку по всевозможным врачам – глисты? Кислотность? Катар желудка? Ничего, слава богу, не находили – так, низковат гемоглобин. «Гранаты,

печенка, черная икра – все, справитесь быстро, – уверенно сказала участковая врач. – Таблетки давать не хочу, такие цифры легко поднимете продуктами!»

Мама расстроено молчала. Поехали на рынок. Аня была там впервые в жизни, и все ее потрясло. Какие розовобокие, крупные яблоки! Какие невозможно красивые и ароматные огурчики и помидорчики! Кислая капуста, соленые помидоры, черная и красная икра, копченая рыбка – вдруг захотелось всего и сразу! Аня глотала слюну.

Мама долго мяла гранаты, чем вызвала раздражение черноусого важного продавца. Долго и нудно торговалась и наконец взяла два некрупных. Аня видела, как насмешливо смотрел на них черноусый. Взяли и кусок бордовой блестящей печенки, пахнувший кровью. «Парная!» – важно сказала мама.

Но гемоглобин у Ани не поднялся, и на рынок они больше не ездили. На следующем приеме, сдав повторно кровь, удивили врачиху.

– Странно! – растерянно сказала она. – Ну что ж, давайте таблетки!

Нет, родители Аню, конечно, любили. Как умели любить – себя, друг друга и весь окружающий мир, включая и ее, их единственную дочку. Позже Аня поняла – с аппетитом у нее всегда было нормально. Не любила она мамину еду, а вот еду Айвазянов...

В семье Айвазянов постоянно стоял дым коромыслом, как говорила Нина Константиновна. Частенько наезжала родня из Еревана и Масиса. По полгода гостила семья сестры из Цахкадзора. Сотрудники Аветиса Арамовича, студенты Нуне Аветисовны, подруги Нины Константиновны – дом гудел, как котел.

Без конца женщины торчали на кухне – лепили борачи, что-то вроде наших пельменей, ловко крутили долму, закладывая ее в семилитровые казаны, варили густой фасолевый мшош и арису – кашу из дзвара, пшеничных зерен и вареной курицы.

Аня с тоской вспоминала обеды и ужины в своей семье, а также завтраки: геркулес на воде – очень полезно – и овощной суп – Аня называла его «скучным супом». Паровые тефтели – профилактика гастрита, жидкие кисели, пюре на воде – молока чуть-чуть, полстакана. А уж масла ни-ни! Вареный хек – та еще

гадость.

У Айвазянов она, «страдающая отсутствием аппетита», по твердому убеждению мамы, с радостью уплетала и долму, и бораки, и густые, пряные, ароматные супы. Если бы мама видела! Глазам бы своим не поверила.

Гостей у Айвазянов любили, никогда от них, казалось, не уставали.

В Аниной семье гостей побаивались – у мамы округлялись глаза, когда она слышала, что на выходные приедет папина сестра из Костромы: «Господи, чем мы ее будем кормить?»

Анина мама боялась всего – грозы, жаркого лета, нехватки денег, кошек и собак, а также комаров и ос, родственников и насморка. Расстроить и довести ее до слез мог любой пустяк – дырка на чулке, перекипевший суп, косой взгляд начальницы, засохший кусок батона, подкисший творог и грустная концовка фильма или книги. Глаза ее тут же набухали слезами, и Аня беспокойно оглядывалась по сторонам – не видят ли люди? Стеснялась. Мама была болезненной, слабой и скромной – даже передать в автобусе мелочь на билет было для нее мукой и испытанием.

Мама с папой были похожи друг на друга как брат с сестрой, даже внешне – светловолосые, бледноглазые, белокожие. А уж характеры – папа тоже всего стеснялся, остерегался и шугался, даже со слесарем из ЖЭКа робел.

Но в целом жили неплохо. И уж точно – спокойно. В доме Айвазянов Ане казалось, что она попала в другой мир, где всегда шумно, громко, весело, смешно, интересно и очень вкусно. Как она всегда любила бывать там, в этом ярком и пестром доме. И как ей было там хорошо!

А вот Каринка гостить у нее не любила: «Скучно у вас! Как в больнице».

В школу тихая и незаметная Аня и яркая, шумная Карина – заводила, борец за справедливость и безусловный лидер во всем – пошли вместе. Естественно, в один класс. После школы Аня поступила в Полиграфический – она всегда хорошо рисовала. А Каринка, естественно, в универ, на биофак. «Мне туда по судьбе написано, – усмехалась она. – Династия, блин!»

На втором курсе Аня вышла замуж. Все откровенно удивились – и ее собственные родители, и Айвазяны: «Надо же, наша тихая скромница Анечка!» Поддержала ее только Нина Константиновна: «Правильно, Анечка! Чего ждать? Так можно и до пенсии прождать. Любишь – выходи! И сразу рожай, непременно. Пока силы есть», – грустно добавляла она, наверняка думая о своей одинокой незамужней дочке Нуне.

Анин избранник Игорь Березкин был, что называется, «подающим надежды». Во всяком случае так говорили преподаватели. А вот Анечку все в один голос называли талантом – ее офорты и акварели были признаны лучшими на всем курсе. Она делала и иллюстрации – и здесь ей прочили хорошее будущее. Но больше всего она любила писать цветы. Цветы и птиц. И они выходили у нее «как живые».

Свадьбу справили тихую – своих денег у молодых, естественно, не было, а родители громкого торжества не хотели. «Мы не купцы, а простые советские служащие!» – гордо повторял Анин отец.

Родители Игоря вообще к их решению пожениться отнеслись, мягко говоря, скептически. Впрочем, будущий Анин свекор, народный художник, давно жил своей жизнью и имел вторую семью. Мать же была женщиной болезненной и закрытой. На свадьбу она пришла одна – отец был в отъезде. Сняли скромное кафе и тихо-мирно посидели маленькой компанией – родители молодых и несколько друзей жениха. Со стороны невесты была одна подруга – Карина. Та оглядела жениха и вынесла беспощадный вердикт:

– Этот тебя прижмет и утопит. Будешь под ним и не пикнешь ни разу, я тебя знаю. Эх, Анька! И чего тебя занесло? Жила бы себе... Залетела? – вдруг испугалась она.

Анечка рассмеялась:

– Да нет, не волнуйся, никакого залета, все исключительно по любви и доброй воле.

– Ну то, что по любви, я поняла, – отозвалась подруга. – Ты сама не своя, глаза сумасшедшие. Я тебя такой никогда не видела. Что поделать – несчастный случай! – И с сомнением добавила: – Пусть все будет нормально! Ты же знаешь,

Анька, как я тебе желаю этого – наверное, больше, чем все остальные. Но этот твой Березкин...

Аня беспечно махнула рукой – да что Каринка понимает в любви? Пока что вон сидит на печи, как Илья Муромец. И сколько еще просидит – одному богу известно. Кавалеров у нее не наблюдалось, увы. Но подумала она об этом без тени злорадства. Злорадство было Ане абсолютно не свойственно. Тем более когда дело касалось лучшей и единственной, горячо любимой подруги.

После свадьбы устроились в мастерской Игоря. Нет, не так – откуда у него мастерская? Мастерская принадлежала его отцу, известному художнику Сергею Березкину. Только, по счастью, сам народный художник там появлялся редко: проживал он у любовницы – такие вот нравы.

Маленький полуподвал на Масловке был темным, сыроватым, пах мышами. Две комнатки и вечно текущий душ, пользоваться которым было невозможно. Крошечный, одно название, туалет. Для жилья это место было не приспособлено. Но надо было устраиваться – жить у родителей Ани и в голову прийти не могло. В прихожей, размером с бочку, поставили электрическую плитку и повесили дачный рукомойник с ведром – там мыли и руки, и посуду. Ели в комнате, там же и работали. Вернее – там работал муж. А Аня... Аня работала, когда он уходил по делам – ей казалось, что он недоволен, если она занимается не им и не хозяйством, а так, ерундой.

Поймав пару раз удивленный и недовольный взгляд молодого супруга, она тут же убрала папку с набросками. Как оказалось – навсегда. Двум талантам в семье будет сложно, значит, талант в доме будет один – Игорь Березкин. А Аня станет его верной женой, поддержкой, крепостью, гаванью – чем угодно. «Лишь бы у него все сложилось», – думала она. И, надо сказать, эта роль ее вполне устраивала – она так любила мужа, что все остальное, включая ее карьеру, казалось незначительным, пустяковым, совсем не важным.

Два первых года после женитьбы она все же работала – преподавала в районном Дворце пионеров и школьников. Но то и дело ловила недовольный взгляд мужа – ты опять на работу? И в конце концов уволилась. Теперь она принадлежала только ему.

Амбиции, честолюбие и тщеславие у нее отсутствовали абсолютно – ну как, скажите, как при таком характере сделать карьеру? Зато амбиции были у мужа, да столько, что хватило бы не на двоих – на пятерых!

Отношения между отцом и сыном Березкиными были сложные. Народный, как иронично называл его сын, был и вправду человеком малоприятным – неразговорчивым, хмурым, вечно всем недовольным и капризным, с неизменно оттопыренной нижней губой и брезгливой гримасой на красивом, породистом лице. Когда свекор появлялся на пороге мастерской, почти всегда назревал скандал – Народный всегда находил причину, чтобы прицепиться к сыну или к невестке. Аня, чувствуя накаленный воздух, тут же бросалась предлагать чай или кофе, обед или ужин. Ей всегда хотелось поскорее раствориться, исчезнуть перед его появлением, поэтому она старалась оставить отца и сына вдвоем – пусть разбираются сами.

В первые же годы непростой жизни на Масловке тихая, робкая Аня научилась сражаться с водопроводчиками и электриками – они требовались так часто, что, казалось, были прописаны в этом полуподвале. Старые трубы текли, ветхий туалет постоянно засорялся, отопление не работало, и то и дело вырубалось электричество. Горячей воды не было вообще. Муж делал вид, что все это, все эти мелочи, весь этот быт и бестолковая, пустая суета его вообще не касаются – он творил. Аня бегала в ЖЭК, научилась скандалить и требовать. Денег постоянно не хватало – у художников всегда неровные заработки. Тогда она научилась еще и экономить, покупать, где дешевле, варить суп из топора и даже принимать на эти крохи гостей – муж любил, когда к ним приходили друзья. Не было не только денег, но и продуктов. А условия? Как можно было приготовить на приличную компанию под алюминиевым ручкомойником и на однокомфорочной электроплитке? Ничего, Аня справлялась. Только чего это ей стоило...

Накануне выходных она моталась по магазинам в надежде что-либо достать. Притаскивала огромные, тяжеленные сумки – свекла, картошка, морковь. Крошила ведро винегрета. Счастье, если попадались селедка или сыр, шпроты или сайра – можно было соорудить бутерброды. Килька – вообще красота! Анины бутерброды с килькой и вареным яйцом на бородинских гренках славились на всю Москву. А потом начинался бесконечный кофе. Кофе, кофе, кофе. В кастрюле не сваришь – осудят, эстеты. И приходилось бегать туда-сюда с туркой – одному, второму, третьему. И снова первому, господи!

Гости уходили далеко за полночь – богема. Муж тут же шел спать, а она часами убирала, мыла холодной водой посуду под ручкомойником и иногда плакала. Нет, судьбу не проклинала – она была счастлива. Просто очень уставала, вот и все.

Именно тогда, в те первые годы их жизни, Аня сделала три аборта: «Какие дети, о чем ты? Нет, ничего и слышать об этом не желаю! В этом подвале? Ты спятила, Аня!» И она, поплавав, шла в поликлинику за направлением в больницу. После последнего, третьего, больше ни разу не забеременела. «Ну, значит так, – отплавав, решила она. – У меня есть ребенок, мой муж. И мне этого вполне достаточно».

Карьера Игоря сложилась удачно – правда, помог в этом ему все же Народный, то есть отец и свекор. Как? Да очень просто – на свою персональную выставку пригласил сына. И все, дело сделано. Тут же подросла парочка статей – династия, Игорь Березкин и Сергей Березкин. Игорь Березкин – достойный продолжатель дела отца, ну и так далее. И новый поворот в судьбе – кто-то увидел в его масштабных полотнах театрально-киношное будущее и пригласил в театр художником-постановщиком. И у Игоря получилось. «У талантливого человека получается все! – с гордостью говорила Анна. – Все, за что он берется». После первой и очень удачной постановки Игоря Березкина стали приглашать во многие театры, а потом и в кино, к самым культовым и известным режиссерам.

Как же Аня гордилась своим мужем! Ну и он гордился собой. Правда, после признания и большого успеха он стал еще капризнее, еще требовательнее, еще нетерпимее к ее промахам.

Очень скоро появились деньги – следствие успеха. Через пять лет они построили трехкомнатную квартиру на Кропоткинской – вот уж счастье!

Правда, теперь мужа частенько не было дома – командировки, другие города, фестивали – ну, все понятно. Нервничала ли Аня, когда он уезжал? Пожалуй. Только не давала этим мыслям ходу – тут же себя останавливала.

Конечно, понимала: там, в этой тусовке, полно молодых и красивых женщин – актрис, певиц, танцовщиц, да кого угодно.

Игорь никогда не предлагал ей поехать вместе с ним, но однажды она попросилась. Экспедиция – а это было большое, масштабное кино – была в

интереснейшем месте, на Байкале. Как ей хотелось туда! Но муж с возмущением ее оборвал: «Не надо путать дом и работу, Аня! Там я работаю, а здесь я живу!»

Глупость какая: и режиссеры, и операторы, и актеры брали в экспедиции своих близких – и детей, и даже няnek и бабок, чтобы следить за ними.

Вот тогда и накрыли черные мысли: «Не хочет? А почему? Значит...»

«Нет, ничего это не значит! – уговаривала она себя. – Ни-че-го! Просто он такой человек». Но тревожные мысли не исчезали – чем бы она ему помешала? Да ничем! Уж с ее-то непритязательностью, скромностью и даже робостью, с ее вечным невмешательством и отсутствием любопытства, с ее неразговорчивостью... Но быстро себя уговорила – работа есть работа. Так, значит так. Но на душе было муторно.

В те дни, когда муж уезжал, часто приезжала Каринка – она и не скрывала, что не любит Березкина. За что? Да все понятно: «Захомутил тебя, подгрел под себя, дыхнуть не дает. Сделал из тебя рабу». «Рабу любви», – смеялась Аня. Каринка безнадежно махала рукой: «Что с тобой, с дурой, вообще говорить? Беда». «Я счастлива, Карин! Ты уж поверь, – отвечала Анна. – Ну зачем мне тебе врать, а?» «Ну значит, ты полная дура! – уверенно отвечала подруга. – Если тебе нравится это». И она обводила взглядом их жилище, имея в виду быт и вечные хозяйственные хлопоты.

«Совершенно верно! – радостно подхватывала Аня. – Моя жизнь – в нем, в Игоре! И я счастлива, что живу его жизнью. Что облегчаю ему эту жизнь. Что снимаю с него все бытовые хлопоты, разруливаю проблемы. У гения и должна быть такая жена! Ну вспомни литературу! Гении состоялись только при хороших женах! А при плохих... Он очень талантливый, Карка! Ты же сама это видишь и понимаешь. А то, что он сложный... Так кто из них, мужиков, простой? Только один рядовой, обычный, станет нервы мотать за просто так, просто так будет выпендриваться. А мой... Сложный, но – необычный. И за это можно потерпеть его фокусы и тяжелый характер. Гению прощается все».

Каринка тяжело вздыхала и, не соглашаясь, качала головой: «Душечка! Ты просто чеховская Душечка. Хотя... Чему я удивляюсь? Можно было предположить. Только зря ты о себе забыла – ты ведь талантливая, Анька, а на себе поставила крест».

Каринка любила порассуждать о взаимоуважении и самоуважении, о партнерстве, о реализации личности.

Аня не перебивала ее, не останавливала – только кивала и при этом думала: «Ничего не понимает Карка! Ничего. Ну да ладно, полюбит – поймет. Где личные амбиции и призрачная карьера? И где – счастье? Смешно».

Личная жизнь Карины не складывалась: это было понятно и без душевных разговоров – полная, безнадежная тишина. Зато успешно складывалась карьера – к тридцати годам она защитилась и начала преподавать.

В отсутствие мужа Анна иногда доставала мольберт и писала. По-прежнему лучше всего ей удавались цветы и птицы. Цветы – лохматые, как она их называла: астры, пионы, георгины. Получались они как живые – казалось, дотронешься и почувствуешь пальцем капельки росы, услышишь слабый аромат. А птицы – ну это вообще загадка. Ладно там всякие синички, сойки, трясогузки и снегири, которых полно в наших широтах. А вот откуда брались экзотические, тропические, редкие и заморские чудеса? Непонятно. Никогда она их не видела. А получались как живые – с блестящими перьями, трепетными крыльями, глянцевыми клювами и яркими бусинами глаз. Хищные и наглые чайки, гордые орлы и сапсаны, крохотные трепещущие колибри и носатые смешные туканы, важные павлины и забавные удоны, многоцветные, пестрые лорикеты и алые виргинские соловьи. Она доставала свою заветную любимую энциклопедию и часами могла рассматривать редких заморских, никогда не виданных птиц.

Перед приездом мужа картинки свои Анна прятала. Почему? Да сама не понимала – стеснялась. Но однажды не убрала – забыла. Просто поставила к стене у окна, под гардины. А Игорь увидел. Аня навсегда запомнила его лицо – презрительную насмешку, даже брезгливость.

– Так скоро и до ворон дойдешь! – безжалостно бросил он и недовольно мотнул головой.

Вот тогда все и закончилось – окончательно. Она убрала свои причиндалы далеко-далеко и запретила себе доставать. И вправду, зачем заниматься этой ерундой? У нее есть дела поважнее. У нее есть он, Игорь. Достаточно.

Одиночество Аню не тяготило – если бы не грустные мысли. В отсутствие мужа она расслаблялась, много читала, ходила в кино, в театры, на выставки. Да и дом – а теперь у них был дом – требовал внимания и заботы. Нужно было доставать мебель, ткань на шторы, посуду и все прочее, что превращает обычную квартиру в уютную и красивую.

Правда, пару раз она еще поймала себя на мысли, что хочется достать бумагу и карандаши. Но она почему-то испугалась этого и крамольные мысли прогнала – не дай бог. Почувствовала себя воровкой.

Муж приезжал из командировок усталый, замученный и раздраженный. Анна с разговорами не лезла: отдохнет – расскажет, а нет – так и суда нет. Может быть, у него неприятности. Игорь делился с ней нечасто – только под хорошее настроение, но такое бывало довольно редко. Она видела, что часто раздражает его, и не обижалась – просто тихо уходила к себе. Теперь, по счастью, у нее была своя комната.

Однажды заговорила с мужем о ребенке: «Может, обратимся к врачу?» Он удивился и нахмурился: «Тебе это надо? – И, не дожидаясь ответа, сказал: – Мне – нет. Мне и так хорошо, Аня. Потребности в детях я не ощущаю. И никакой тоски у меня нет. Мы живем своей жизнью, и мне кажется, мы с тобой вполне ею довольны и даже счастливы. Или я что-то не понимаю? Тогда объясни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/samyje-rodnye-samyje-blizkie-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)